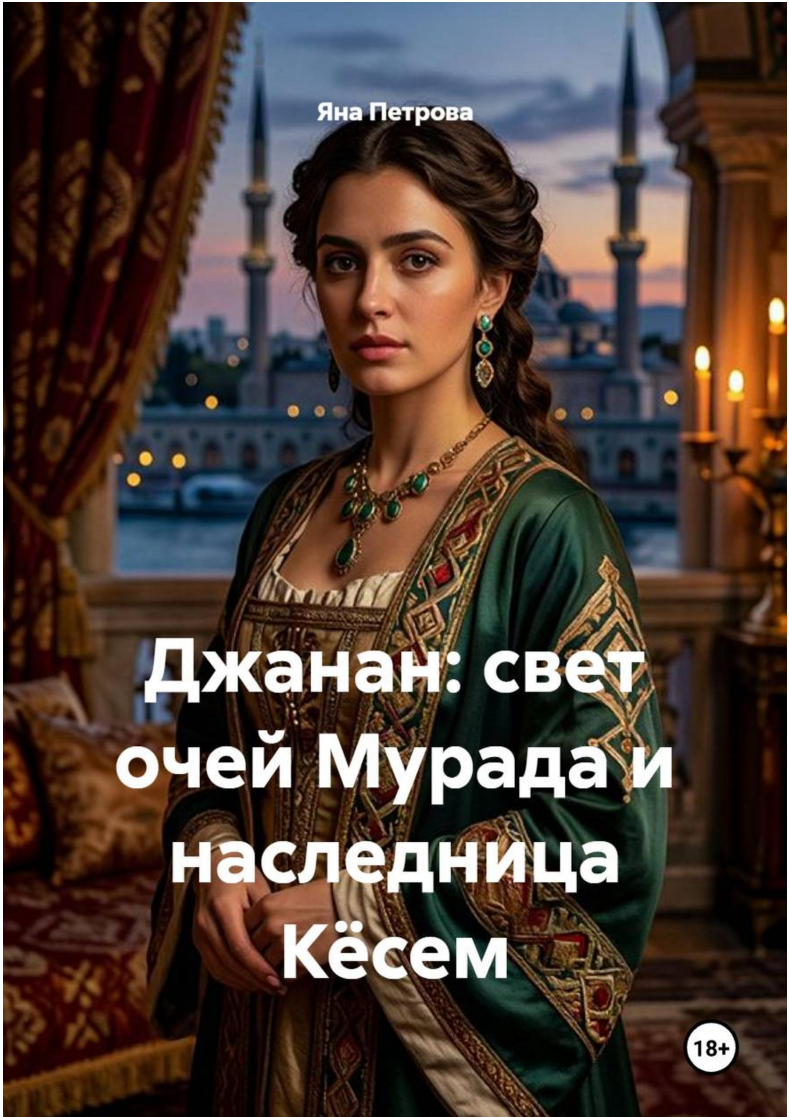

Яна Петрова
Джанан: свет очей Мурада и наследница Кёсем
18+

Яна Петрова

Джанан: свет очей Мурада и наследница Кёсем

https://litres.ru/74703013
SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если любовь способна изменить ход истории и победить саму смерть? Яна прилетела в Стамбул на отдых, но внезапная гроза перенесла её из 2026 года прямиком в XVII век - в самое сердце Османской империи, в гарем грозного султана Мурада IV. Чтобы выжить в мире интриг и предательств, она вынуждена стать Джанан - талантливой лекаркой. Но она знает то, чего не знает никто: Мурада убьёт не вражеский клинок, а смертельная болезнь и вино, разрушающее его изнутри.

Джанан бросает вызов судьбе. Вступая в союз с великой Кёсем-султан, она отчаянно борется за жизнь падишаха, день за днём плавя лёд в его израненном сердце. Сможет ли простая девушка из будущего спасти того, кто привык не доверять никому? Удастся ли ей стать единственной любовью султана и наследницей великой валиде?

Это захватывающая история о всепоглощающей страсти, которая сильнее времени, о дворцовых интригах и о смелости,

способной переписать историю и подарить шанс на счастье. И о том, как важно поверить в чудо.

Яна Петрова
Джанан: свет очей Мурада и наследница Кёсем

Глава 1. Провал во времени

Гроза разразилась внезапно. Яна стояла на балконе отеля в Стамбуле, куда она прилетела отдохнуть из России этим летом, сжимая в руках потрёпанный путеводитель по Топкапы. Она была истинной фанаткой сериала Великолепный Век и безумно хотела попасть во дворец, где много лет назад происходили легендарные события. Она собиралась поехать на экскурсию в это историческое место, и даже гроза не останавливала её. Внизу, в зеркальной глади Босфора, отражались вспышки молний.

Она приехала сюда, чтобы увидеть места, где когда-то жил и правил Мурад IV — султан, в которого она влюбилась за месяц до того, как собралась прилететь в Турцию, глядя на экран телевизора. Глупо, наверное, но сердцу не прикажешь.

Она вышла к отелю и направилась ловить такси до дворца

Топкапы. Яна шла мимо Босфора, как вдруг внезапно ветер швырнул в лицо солёные брызги. Яна зажмурилась — и мир вокруг взорвался белым светом.

Очнулась она на камнях. Холодных, шершавых, пахнущих пылью и морем. Голова раскалывалась. Яна попыталась встать, но тело не слушалось. Вокруг сновали люди в странных одеждах: длинные кафтаны, широкие шаровары, тюрбаны. Женщины с закрытыми лицами проносились мимо, не глядя на неё. Мужчины с ятаганами на поясах что-то кричали на языке, который Яна немного понимала.

— Эй, женщина! — вдруг рявкнул кто-то над ухом.

Она вздрогнула. Перед ней стоял огромный мужчина в красном кафтане с золотым шитьём. Его лицо было багровым от гнева.

— Сен кимсин? — прорычал он. — Кто ты такая? Откуда

ты здесь?

Яна открыла рот, но голос не слушался. Она огляделась. За спиной мужчины возвышалась стена — массивная, с зубцами, увитая плющом. А над ней — купола. Множество куполов. И тонкие минареты, пронзающие серое небо. Топкапы.

Сердце ухнуло вниз. Это был не сон и не розыгрыш. Это было действительно там.

Мужчина схватил её за плечо и потащил. Яна не сопротивлялась — ноги были ватными. Её вели через лабиринт коридоров, мимо фонтанов и клеток с птицами, мимо стражи с огромными саблями. В воздухе висел запах розового масла, пота и дыма.

— Хазретлери, — прошипел мужчина кому-то, останавливаясь у резных дверей. — Валиде-султан ждёт.

Покои валиде утопали в полумраке. Тяжёлые шторы скрывали свет, и только несколько свечей дрожали в золочёных канделябрах. Женщина сидела в кресле у окна. Её лицо было бледным, но глаза — острыми, как лезвие. Она была красива той страшной, вечной красотой, которую не берёт время. Это была сама Кёсем-султан.

Яна знала это лицо наизусть. Видела его в сотнях серий. Но здесь, вживую, оно было другим: живым, усталым и очень, очень опасным.

— Бу гель, — сказала Кёсем, жестом подзывая её. — Подойди.

Яна шагнула вперёд. Ноги дрожали, но она заставила себя выпрямиться. Она читала, что Кёсем не терпела слабости особенно в женщинах.

— Адын не? — спросила валиде. — Как тебя зовут?

— Яна, — выдохнула она. — Меня зовут Яна.

Кёсем прищурилась и перевела взгляд на мужчину в красном кафтане.

— Хаджи-ага, — произнесла она медленно. — Ты притащил мне чужестранку в год, когда мой сын запретил кофейни и вешает каждого, кто косо посмотрит? Ты хочешь, чтобы нас всех обвинили в заговоре?

Хаджи-ага склонил голову.

— Валиде, она была у стен дворца без охраны. Она может быть шпионкой.

Кёсем снова посмотрела на Яну долго и изучающе. Так смотрят на шахматную фигуру, которую ещё не решили, куда поставить.

— Шпионка, — повторила она по-турецки, но Яна поняла слово. — Или подарок судьбы. Сен… — она поманила её пальцем. — Скажи мне, девушка, ты знаешь, кто я?

Яна нервно сглотнула.

— Вы — Кёсем-султан. Валиде падишаха Мурада. Женщина, которая правила империей, когда он был ещё ребёнком.

Тишина в комнате стала густой, как мёд. Хаджи-ага замер. Кёсем медленно откинулась в кресле. На её губах появилась тень улыбки — не тёплой, а скорее заинтересованной.

— Аферын, — произнесла она. — Похвально. Чужестранка, которая знает больше, чем некоторые мои приближённые. — Она помолчала. — Но это не спасает тебя от петли. Скажи мне то, что я хочу услышать. Почему я должна оставить тебя вживых?

Яна почувствовала, как по спине течёт холодный пот. Она

знала ответ. Знала его с той самой секунды, как увидела эти купола.

— Потому что я могу помочь вашему сыну, — сказала она. — Я знаю, что его убьёт. И знаю, как это остановить.

Кёсем не изменилась в лице. Но её пальцы, лежавшие на подлокотнике, дрогнули едва заметно. Для той, кто умел читать людей, это было как крик.

— Йалан, — прошептала валиде. — Ложь.

— Правда, — ответила Яна. — Поверьте. Он устаёт быстрее, чем раньше. У него болит правое подреберье после вина. И он пьёт, хотя сам запретил алкоголь под страхом смерти, потому что не может остановиться и потому что боится.

Кёсем встала медленно и величественно. Она подошла к Яне вплотную и взяла её лицо в ладони. Холодные пальцы, пахнущие лавандой.

— Если ты лжёшь, — сказала она тихо, — я прикажу отрезать тебе язык и бросить тебя в Босфор. Если ты говоришь правду… — она сделала паузу, — тогда, возможно, Аллах послал тебя мне. Но запомни, кыз: я не верю в подарки. Я верю в сделки. Ты поможешь моему сыну. А я помогу тебе остаться вживых. Анлаштык мы? Договорились?

Яна кивнула. Во рту пересохло.

— Анлаштык, — прошептала она.

Кёсем отпустила её и повернулась к Хаджи-аге.

— Отведи её в покои для прислужниц и дай ей одежду. И никому ни слова. Если кто-то спросит — она лекарка, которую я выписала из Трабзона. — Она бросила на Яну последний взгляд. — Сен… как тебя там…

— Яна.

— Нет, — отрезала Кёсем. — Здесь не будет «Яны». Ты будешь Джанан. Та, что дорога сердцу. Пусть это имя напоминает тебе, что ты теперь принадлежишь не себе, а моему сыну и мне.

Хаджи-ага вёл её по коридорам так быстро, что она едва успевала переставлять ноги. В какой-то момент они свернули за угол — и Яна увидела его. Мурад.

Он стоял у окна, спиной к ним, глядя на Босфор. Тёмный кафтан, широкие плечи, тяжёлая поступь. Он был моложе, чем на экране, но в нём уже чувствовалась та самая страшная усталость — усталость человека, который слишком рано узнал, что власть — это не корона, а петля.

Яна замерла. Сердце пропустило удар. Хаджи-ага дёрнул её за рукав, увлекая дальше, в тень.

— Йюру, — прошипел он. — Не смотри на падишаха. Это запрещено.

Но она уже посмотрела. И когда Мурад, словно почувствовав взгляд, обернулся — на долю секунды их глаза встретились. Он нахмурился, словно увидел что-то знакомое или что-то, чего не мог понять. А потом Хаджи-ага толкнул её в боковую дверь, и всё исчезло.

В маленькой каморке, где пахло пылью и старой тканью, Яна села на жёсткую кровать. Руки тряслись. Она посмотрела на свои ладони — те же, что и всегда. Но теперь они принадлежали не ей.

Джанан. Она повторила это имя шёпотом. Оно звучало как клятва и как приговор. Как начало чего-то, что она не могла остановить.

За стеной, где-то далеко, в покоях падишаха, Мурад IV

смотрел на Босфор и не знал, что в его дворце только что появилась женщина, которая бросит вызов самой смерти. И, возможно, его сердцу.

Глава 2. Пленница

Хаджи-ага снова повёл её по коридорам так быстро, что Яна едва успевала переставлять ноги, и в какой-то момент ей показалось, что он нарочно хочет, чтобы она споткнулась и упала. Но она держалась, потому что понимала простую вещь: во дворце, где каждый твой шаг может стать последним, нельзя показывать слабость даже в мелочах. За окнами с витыми решётками тянулся бесконечный лабиринт переходов, и воздух здесь был густым от запаха розовой воды, воска и чего-то ещё, неуловимо тревожного, похожего на металл.

— Не отставай, хатун, — бросил он через плечо, даже не оборачиваясь. — Если кто-нибудь увидит, что тебя ведёт главный евнух, как пленницу, до вечера поползут слухи, а слухи в этом дворце убивают быстрее ятагана.

— Я не пленница, — ответила Яна, и голос её прозвучал

тише, чем ей хотелось бы. — Валиде-султан сказала, что я лекарка из Трабзона.

— Валиде-султан сказала много чего, — Хаджи-ага резко остановился, и Яна едва не налетела на его широкую спину. — Но запомни, кыз: здесь никто не верит словам. Здесь верят только делам. Если ты действительно умеешь лечить, тебе, может быть, и позволят остаться. Если нет — ты сама знаешь, что с тобой будет.

Он свернул в узкий проход, и они оказались перед низкой дверью, окованной железом. За ней открылась комната, где стояли несколько сундуков, длинный стол и деревянная скамья у стены. В углу сидели две женщины в простых платьях, и при виде Хаджи-аги они вскочили так резко, словно их ударило током.

— Ага, — поклонилась та, что была постарше, женщина с усталым лицом и цепким взглядом. — Мы не ждали вас так рано.

— Это Лялезар-хатун, — сказал Хаджи-ага, кивнув на

неё, и в его голосе послышалось нечто вроде предупреждения. — Она присматривает за прислужницами. Если валиде решит оставить тебя, ты будешь под её началом. Лялезар, эта женщина утверждает, что знает травы. Пусть она покажет, на что способна. А я доложу нашей валиде.

Он ушёл, и дверь закрылась с тяжёлым стуком. Лялезар-хатун смерила Яну долгим взглядом, в котором не было ни враждебности, ни тепла — только расчёт.

— Значит, травница, — произнесла она наконец. — Из Трабзона. И как тебя зовут?

— Джанан, — ответила Яна, и имя это прозвучало непривычно, словно чужое. — Валиде дала мне это имя.

— Джанан, — повторила Лялезар, словно пробуя слово на вкус. — Что ж, Джанан-хатун, здесь не Трабзон. Здесь каждый день кто-то умирает — от болезни, от яда, от чужой руки. И если ты хочешь выжить, ты должна доказать, что твои травы стоят больше, чем твоя жизнь.

Она подошла к сундуку, открыла его и достала небольшой мешочек, из которого пахнуло сушёными листьями и горьковатой пылью.

— Вот. Это мята, это шалфей, а это, — она вытащила тёмный, почти чёрный корешок, — корень валерианы. Скажи мне, что ты можешь с ними сделать.

Яна взяла корешок в руки. Пальцы дрожали, но она заставила себя сосредоточиться. В университете она изучала ботанику, а потом, уже дома, перечитывала книги по народной медицине, потому что ей всегда казалось, что в травах есть что-то честное и надёжное. И сейчас это знание, казавшееся ей когда-то бесполезным, вдруг стало единственным, что могло её спасти.

— Из валерианы можно сделать настой, который успокаивает сердце и помогает при бессоннице, — сказала она, и голос её окреп. — Но если смешать её с мятой и добавить немного мёда, получится средство, которое снимает головную боль. А если настоять на спирту, — она запнулась, потому что слово «спирт» здесь вряд ли кто-то поймёт, — если

настоять на крепком вине, то можно использовать для растирания при болях в суставах.

Лялезар-хатун подняла бровь. В её взгляде что-то изменилось — не тепло, нет, но что-то похожее на интерес.

— А если у человека жар и он бредит? — спросила она.

— Тогда нужен шалфей. Отвар шалфея с лимоном сбивает жар, а если добавить корень валерианы, он успокоит бред. Но шалфей нельзя давать слишком много, иначе человек ослабнет ещё больше. Нужно знать меру.

Лялезар молчала так долго, что Яна уже начала думать, что сейчас её снова схватят и отведут куда-нибудь в подземелье. Но вместо этого женщина вдруг улыбнулась — уголками губ, почти незаметно.

— Аферын, — сказала она. — Похоже, ты не врёшь. Или врёшь очень хорошо, что в этом дворце тоже полезно. Ладно. Оставайся. Будешь помогать мне с настоями для гарема.

Если кто-то из наложниц заболеет, ты будешь готовить для них лекарства. Но запомни: если ты отравишь хоть одну из них, я лично прослежу, чтобы тебя выбросили в Босфор.

— Я не отравляю людей, — тихо сказала Яна. — Я их лечу.

— Здесь это почти одно и то же, — отозвалась Лялезар без всякой иронии. — Ладно. Иди за мной. Я покажу тебе, где ты будешь спать.

Комната для прислужниц оказалась маленькой и душной, с одним узким окном под самым потолком, но Яна была благодарна и за это. Она села на жёсткую кровать, прислонилась спиной к стене и закрыла глаза. События последних часов смешались в её голове в один сплошной поток, и она вдруг остро осознала, что она больше не Яна, не туристка, не историк-любительница. Она — Джанан-хатун, лекарка из Трабзона, прислужница в гареме султана Мурада IV. И если она хочет спасти его, ей придётся научиться выживать в мире,

где доверие — роскошь, а смерть — обычное дело.

Она не знала, сколько просидела так, прежде чем услышала шаги в коридоре. Лёгкие, быстрые, почти неслышные. Дверь приоткрылась, и в комнату заглянула молодая девушка с испуганными глазами.

— Хатун, — прошептала она, — валиде-султан зовёт тебя. Пойдём скорее. Она не любит ждать.

Джанан шла за девушкой по тем же коридорам, но теперь они казались ей другими. Может быть, потому что она уже немного привыкла к ним, а может, потому что страх постепенно уступал место чему-то более опасному — надежде. Девушка остановилась перед высокими резными дверями, украшенными золотом, и жестом показала, что дальше Джанан должна идти одна.

За дверями оказалась просторная комната с балконом,

выходящим на Босфор. Валиде Кёсем-султан стояла у перил, спиной к Джанан, и ветер шевелил её тёмные волосы. Она не обернулась, когда Джанан вошла, и несколько мгновений тишина была такой густой, что казалось, её можно было потрогать руками.

— Подойди, — сказала наконец Кёсем.

Джанан подошла и встала рядом. С балкона открывался вид на воду, на далёкие купола и минареты, и на город, раскинувшийся у подножия дворца. Мурад стоял внизу, на одном из внутренних дворов, окружённый стражей и советниками. Он что-то говорил, и его голос, доносившийся снизу, звучал резко и властно, но Джанан не могла разобрать слов.

— Видишь его? — спросила Кёсем, и в её голосе послышалась странная смесь гордости и боли. — Мой сын. Падишах. Он правит империей, которая простирается от Будапешта до Багдада, и он одинок, как волк в зимнем лесу. У него есть я, есть его сёстры, есть его приближённые. Но нет никого, кому он мог бы доверять по-настоящему.

Она повернулась к Джанан, и её глаза, тёмные и проницательные, впились в её лицо.

— Ты сказала, что знаешь, что его убьёт. Скажи мне, как ты это узнала. И не лги, потому что я чувствую ложь за версту.

Джанан почувствовала, как по спине снова пробежал холод. Она не могла сказать правду — что видела его смерть в телесериале, что знает дату, которую он не переживёт. Но она также понимала, что ложь здесь опаснее правды.

— Я видела, как умирают люди, — сказала она медленно, тщательно подбирая слова. — В Трабзоне, где я жила, был один человек. Богатый, уважаемый. Он пил вино каждый день, хотя знал, что оно его убивает. Сначала у него пожелтели глаза, потом начались боли, потом он перестал вставать с постели. Я пыталась его спасти, но было уже поздно. Когда я увидела падишаха сегодня, я вспомнила того человека. И поняла, что если ничего не сделать, он умрёт так же.

Кёсем молчала. Её лицо оставалось неподвижным, но

Джанан видела, как её пальцы, лежавшие на перилах, побелели.

— Ты хочешь сказать, что мой сын умрёт от вина? — произнесла она на

конец, и голос её был холоден, как лёд. — От того самого вина, которое он запретил пить всем, кроме себя?

— Да, — ответила Джанан. — И если вы хотите его спасти, вы должны заставить его остановиться или найти способ, чтобы он остановился сам.

Кёсем отвернулась и снова посмотрела вниз, на Мурада. Несколько долгих мгновений она стояла неподвижно, и ветер трепал её платье.

— Ты знаешь, что будет, если кто-то узнает, что ты говорила со мной об этом? — спросила она. — Если мои враги услышат, что падишах болен, они начнут точить ножи. А мои друзья, — она усмехнулась, — мои друзья начнут точить ножи ещё быстрее. К тому же, в столице люди только и говорят о том, что решения моего сына-повелителя не доводят

до добра. Он совсем меня не слушает. Этим он делает себе только хуже.

— Я никому не скажу, — пообещала Джанан.

— Конечно, не скажешь, — Кёсем обернулась, и в её глазах снова появился тот острый, оценивающий блеск. — Потому что если ты скажешь, я найду тебя даже на дне морском. Но я не собираюсь тебе угрожать, кыз. Я собираюсь предложить тебе сделку. Ты будешь лечить моего сына тайно. Я дам тебе всё, что нужно: травы, книги, доступ к нему. А взамен ты будешь докладывать мне о каждом его шаге. О каждом его вздохе. О каждой капле вина, которую он выпьет.

Джанан посмотрела на неё. В этой женщине было что-то, что одновременно пугало и восхищало. Она была готова на всё ради сына, и эта готовность делала её и сильной, и страшной.

— Я согласна, — сказала Джанан. — Но я не буду доносить на невиновных. Если я увижу, что кто-то не виноват, я не стану его оговаривать.

Кёсем прищурилась. На её губах появилась тень улыбки — не тёплой, но и не враждебной.

— Ты смела, — произнесла она. — Это хорошо. Смелые люди иногда выживают. Иногда — нет. Посмотрим, к какой категории ты относишься.

Она отвернулась к балкону и жестом отпустила Джанан.

— Иди. Лялезар покажет тебе, где хранятся травы. И запомни, Джанан-хатун: с этого дня твоя жизнь принадлежит не тебе. Она принадлежит моему сыну. И мне.

Джанан вышла из покоев валиде и прислонилась к стене, чувствуя, как колотится сердце. Она только что заключила сделку с самой Кёсем-султан, женщиной, которая правила империей из тени и которая, по слухам, могла уничтожить

человека одним словом. И она сделала это ради Мурада — человека, которого любила всей душой, но который пока даже не знал её имени.

Она вернулась в комнату для прислужниц, но не смогла сидеть на месте. Что-то тянуло её обратно, к окну, к тому балкону, откуда она видела его. Она поднялась по узкой лестнице на галерею, которая выходила во внутренний двор, и замерла в тени колонны.

Мурад всё ещё был там. Теперь он стоял один, без советников и стражи, и смотрел на воду. В его позе было что-то такое усталое и безнадёжное, что у Джанан сжалось сердце. Он был султаном, повелителем огромной империи, но в этот момент он казался ей мальчиком, который потерялся в собственном дворце и не знает, куда идти.

Словно почувствовав её взгляд, он вдруг поднял голову и посмотрел прямо на галерею. Джанан замерла, не в силах пошевелиться. Их глаза встретились — на одно бесконечное мгновение, которое показалось ей длиннее целой жизни. Мурад нахмурился, и в его взгляде промелькнуло что-то — не узнавание, нет, но что-то похожее на вопрос. А потом он

отвернулся, и мгновение прошло.

Джанан прижала руку к груди и медленно выдохнула. Сердце колотилось так, словно пыталось вырваться наружу. Она знала, что он не запомнил её. Знала, что для него она — просто одна из многих теней, населяющих дворец. Но она также знала, что теперь, когда она увидела его вблизи, в его глазах, она уже не сможет остановиться. Она вернётся к нему, даже если для этого ей придётся перевернуть весь дворец.

Глава 3. Первый взгляд

Комната, отведённая Джанан под травы, находилась в самом конце женской половины, там, где коридоры становились уже, а свет из окон едва пробивался сквозь витые решётки. Лялезар-хатун отвела её сюда на рассвете, показала полки с сушёными пучками, глиняные горшки и ступку, а потом ушла, бросив через плечо, что если Джанан хочет остаться в этом дворце, она должна доказать свою пользу не словами, а делом. Джанан провела несколько часов, разбирая запасы и составляя список того, чего не хватало. Мята

была, шалфей был, но корицы оставалось совсем немного, а корня валерианы не было вовсе, и это означало, что скоро придётся просить у валиде разрешения спуститься на базар или отправить кого-то из слуг.

Она как раз растирала в ступке сушёные листья, когда за дверью послышались голоса. Джанан не стала выглядывать, потому что помнила предупреждение Хаджи-аги о том, что в этом дворце любопытство сродни самоубийству, но голоса становились громче, и в них звучало что-то такое, от чего у неё похолодели пальцы.

— Ты не имеешь права говорить мне, что я должна чувствовать, Гевхерхан! — произнесла женщина, и в её голосе дрожала сдерживаемая ярость. — Я старше тебя, и я была первой, кто увидел его. Ты просто воспользовалась тем, что я не могла сказать падишаху правду.

— Ты говоришь так, будто я украла его у тебя, Атике, — ответила вторая женщина, и в её голосе слышалась обида, смешанная с усталостью. — Но Силахдар-ага сам выбрал меня. Разве я виновата в том, что он не ответил на твои чувства?

Джанан замерла. Она знала эти имена — Атике-султан и Гевхерхан-султан, сёстры падишаха. И она знала, о ком они говорят. Силахдар Мустафа-ага был одним из ближайших людей султана Мурада, и то, что две сестры султана делили его сердце, было не просто семейной ссорой, а трещиной, которая могла расколоть весь дворец.

Дверь в комнату распахнулась так резко, что Джанан выронила пестик. На пороге стояла Гевхерхан-султан — высокая, с тёмными волосами, рассыпавшимися по плечам, и глазами, в которых горел такой огонь, что, казалось, он мог бы сжечь дотла весь Топкапы. За её спиной, чуть поодаль, стояла Атике-султан, и её лицо было бледным, но в нём читалась не слабость, а упрямство человека, который привык, что его не замечают, но который больше не намерен молчать.

— Кто ты такая? — резко спросила Гевхерхан, и её взгляд упал на ступку и разбросанные травы. — Что ты здесь делаешь?

Джанан поднялась и поклонилась так, как её учила Ляле-

зар-хатун — не слишком низко, чтобы не показаться раболепной, но и не слишком высоко, чтобы не оскорбить султаншу.

— Меня зовут Джанан-хатун, султаным, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Я лекарка. Валиде-султан приставила меня к гарему, чтобы я готовила настои для больных.

Гевхерхан прищурилась. Её взгляд скользнул по лицу Джанан, по её рукам, по травам, и в этом взгляде было столько же любопытства, сколько и подозрения.

— Лекарка, — повторила она, словно пробуя слово на вкус. — И откуда же ты взялась, хатун? В Топкапы не часто появляются чужестранки, которые умеют обращаться с травами лучше, чем наши собственные лекари.

— Я училась в Трабзоне, султаным, — ответила Джанан, и это была та же ложь, которую она уже рассказала валиде, но теперь она звучала почти как правда. — У одной старой женщины, которая знала секреты многих растений. Она на-

учила меня различать, что лечит, а что убивает.

Атике-султан, всё это время молчавшая, вдруг шагнула вперёд и коснулась рукава сестры.

— Оставь её, Гевхерхан, — сказала она тихо, но твёрдо. — Она не виновата в наших ссорах. И если валиде доверяет ей, значит, у неё есть на то причины.

Гевхерхан резко обернулась к сестре, и на мгновение Джанан показалось, что она сейчас ударит Атике. Но вместо этого она лишь горько усмехнулась и вышла из комнаты, и её шаги ещё долго звучали в коридоре, затихая где-то в глубине гарема.

Атике задержалась в дверях. Она посмотрела на Джанан, и в её глазах было что-то такое, чего Джанан не ожидала увидеть, — не враждебность, а скорее усталое понимание.

— Не слушай её, — сказала Атике. — Гевхерхан страдает, но её боль не делает тебя виноватой. Просто будь осторожна,

хатун. В этом дворце любовь и ненависть ходят рука об руку, и иногда бывает трудно понять, где заканчивается одно и начинается другое.

Она ушла, и Джанан снова осталась одна. Она опустилась на скамью и посмотрела на свои дрожащие руки. Она только что оказалась в центре чужой боли, и это было предупреждением, которое она не могла игнорировать.

Ближе к полудню Лялезар-хатун пришла за ней и сказала, что валиде приказала отнести настой от головной боли в покои Гюльбахар-султан, матери шехзаде Баязида. Джанан взяла приготовленный отвар и пошла следом за служанкой через анфиладу комнат, где стены были увешаны шёлковыми тканями, а в воздухе стоял густой запах благовоний. В покоях Гюльбахар было сумрачно, и сама султанша сидела у окна, глядя на сад, где гуляли двое юношей — шехзаде Баязид и шехзаде Ибрагим. Они были так похожи на Мурада, что у Джанан сжалось сердце, но она заставила себя отвести взгляд и сосредоточиться на своей задаче.

— Валиде прислала тебя? — спросила Гюльбахар, не поворачивая головы. — Скажи ей, что моя голова болит не от болезни, а от мыслей. И никакой настой от этого не поможет.

— Я всё равно оставлю его здесь, султаным, — ответила Джанан, ставя чашу на стол. — Если не для головы, то хотя бы для сна. Вы плохо спите, я вижу это по вашим глазам.

Гюльбахар наконец обернулась. Её взгляд был тяжёлым и изучающим.

— Ты наблюдательна, — произнесла она. — Это опасно. Но, возможно, полезно. — Она помолчала. — Ты знаешь, что падишах сегодня выйдет во внутренний двор? Он возвращается с совета, и все женщины гарема будут смотреть на него из галереи. Если хочешь увидеть его вблизи, тебе стоит быть там.

Джанан почувствовала, как кровь прилила к щекам. Она не знала, было ли это приглашением или проверкой, но отступать было поздно.

— Я приду, султаным, — сказала она.

Галерея, выходившая во внутренний двор, была заполнена женщинами. Здесь были хасеки и наложницы, служанки и калфы, и все они стояли в тени колонн, глядя вниз, где у фонтана группа мужчин в тюрбанах и кафтанах окружала фигуру в тёмно-синем одеянии. Джанан узнала Мурада сразу, хотя видела его лишь мельком. Он стоял, чуть расставив ноги, и слушал Синан-пашу, который что-то говорил ему, склонив голову. Рядом с падишахом стоял Силахдар Мустафа-ага, высокий и статный, и Джанан заметила, как при его виде Гевхерхан-султан, стоявшая неподалёку, опустила глаза, а Атике, наоборот, впилась в него взглядом, полным боли.

Но Джанан смотрела не на них. Она смотрела на Мурада. Он был бледен, и под глазами у него залегли тени, которые она уже научилась узнавать. Он устал и он был болен. И он этого не показывал.

Словно почувствовав её взгляд, Мурад вдруг поднял голову. Его глаза нашли её в толпе женщин так быстро, словно он искал именно её. Джанан не опустила взгляда. Она стояла неподвижно, и сердце билось где-то в горле, но она не отвела глаз. В этом взгляде не было вызова, не было дерзости — только тихое, упрямое «я вижу тебя».

Мурад нахмурился. Его лицо осталось непроницаемым, но что-то в нём изменилось. Он чуть склонил голову набок, словно пытаясь вспомнить, где мог её видеть, и на его губах появилась едва заметная складка, которая у кого-то другого могла бы считаться улыбкой.

— Кто это? — спросил он, и его голос, негромкий, но отчётливый, донёсся до галереи.

Кеманкеш Кара Мустафа-ага, стоявший чуть позади, проследил за его взглядом.

— Новая лекарка, падишах, — ответил он. — Валиде-султан приставила её к гарему. Говорят, она из Трабзона и знает

травы лучше, чем наши лекари.

Мурад ничего не сказал. Он ещё мгновение смотрел на Джанан, а потом отвернулся и продолжил разговор с Синан-пашой, словно ничего не произошло. Но Джанан видела, как Айше-султан, стоявшая в нескольких шагах от неё, сжала перила так, что побелели костяшки. И как Фария, наблюдавшая за этой сценой из тени, медленно перевела взгляд с Мурада на Джанан, и в её глазах зажёгся тот самый холодный, расчётливый огонь, который Джанан уже видела однажды.

— Ты привлекла его внимание, — тихо сказала Лялезар-хатун, появившаяся у неё за спиной. — Это может быть благословением. Или проклятием. В этом дворце никогда не знаешь наверняка.

Джанан кивнула, но ничего не ответила. Она смотрела, как Мурад уходит, окружённый своей свитой, и чувствовала, что с этого момента её жизнь в Топкапы изменилась навсегда. Она больше не была просто лекаркой, одной из многих теней. Она стала женщиной, на которую посмотрел падишах. А в мире, где каждый взгляд имеет цену, это было равносильно объявлению войны.

Глава 4. Айше

Прошло три дня с тех пор, как Джанан увидела Мурада на галерее, и эти три дня показались ей тремя годами. Она почти не выходила из комнаты с травами, растирала порошки, готовила настои для гарема и старалась не думать о том, что произошло. Но мысли возвращались снова и снова, и каждый раз, когда она вспоминала его взгляд, у неё перехватывало дыхание. Лялезар-хатун, заходившая к ней за отваром для одной из наложниц, бросила на неё быстрый взгляд и сказала только одно: «Будь осторожна, хатун. Когда падишах смотрит на женщину, другие женщины начинают смотреть на неё иначе». Джанан кивнула, но ничего не ответила, потому что не знала, что тут можно сказать.

На четвёртый день за ней пришли. Молодая служанка с тонкими запястьями и испуганными глазами остановилась в дверях и, запинаясь, передала, что Айше-хасеки желает видеть лекарку в своих покоях. Джанан отложила пестик и вытерла руки о передник, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугой узел. Она знала, кто такая Айше. Знала, что эта женщина была первой любовью Мурада, матерью его детей и, по

слухам, не прощала никому, кто осмеливался встать у неё на пути. В сериале Айше казалась ей сложной и трагической фигурой, но здесь, вживую, она была не персонажем, а живой женщиной, которая могла уничтожить её одним словом.

Покои хасеки находились в самой престижной части гарема, и Джанан шла туда через анфиладу комнат, где стены были затянуты голубым шёлком, а в воздухе висел густой, тяжёлый аромат амбры и роз. Айше сидела на низком диване у окна, и рядом с ней на столике стоял небольшой флакон из тёмного стекла. Она была красива той холёной, ухоженной красотой, которая требует усилий и времени, и Джанан сразу заметила, как её пальцы, унизанные перстнями, нервно теребят край шали.

— Подойди, хатун, — сказала Айше, и её голос прозвучал мягко, почти ласково. — Не бойся.

Джанан подошла и поклонилась, стараясь, чтобы движения были плавными и уверенными. Айше оглядела её с головы до ног, и в её глазах промелькнуло что-то такое, от чего у Джанан по спине пробежал холодок. Это был не гнев, а скорее оценивающий, почти хищный интерес.

— Говорят, ты хорошо разбираешься в травах, — продолжила Айше, беря флакон со столика. — Валиде доверяет тебе, а значит, и я должна доверять. У меня скоро праздник, и я хочу выглядеть так, чтобы падишах не мог отвести от меня глаз. Это масло для волос, — она протянула флакон Джанан. — Добавь в него что-нибудь, что сделает мои волосы блестящими и ароматными. Ты ведь умеешь?

Джанан взяла флакон. Стекло было прохладным, и жидкость внутри пахла сладко, почти приторно. Слишком сладко. Она открыла пробку и поднесла флакон к лицу, делая вид, что вдыхает аромат, но на самом деле её нос уловил нечто другое, едва заметное, горьковатое, спрятанное под слоем розового масла. Она знала этот запах. В книгах по токсикологии, которые она читала в университете, его описывали как запах горького миндаля, но здесь он был приглушён, разбавлен, замаскирован. Белладонна. Или что-то похожее. Что-то, что в малых дозах вызывает головную боль и тошноту, а в больших — убивает.

— Что это за масло, султаным? — спросила Джанан, и голос её прозвучал ровно, хотя сердце колотилось где-то в

горле.

— Валиде подарила мне, — ответила Айше, и в её глазах мелькнула тень. — А что? Что-то не так?

Джанан помолчала. Она понимала, что сейчас решается её судьба. Если она скажет правду, Айше может разозлиться, но может и испугаться. Если она промолчит, то предаст себя и свою клятву лечить, а не убивать. Она подняла взгляд и посмотрела Айше прямо в глаза.

— Султаным, это масло не для волос, — сказала она тихо, но твёрдо. — В нём есть яд. Если вы нанесёте его на кожу, оно вызовет раздражение и головную боль. А если оно попадёт в кровь через царапину, вы можете умереть.

Тишина в комнате стала такой густой, что, казалось, её можно было резать ножом. Айше медленно выпрямилась, и её лицо побелело. Она выхватила флакон из рук Джанан и швырнула его на пол. Стекло разбилось, и по ковру растеклась тёмная, маслянистая лужа с тем самым горьковатым запахом.

— Ты уверена, хатун? — прошептала Айше, и в её голосе дрожала не ярость, а страх. — Кто посмел?

— Я не знаю, султаным, — ответила Джанан. — Но я знаю, что это яд. И я знаю, что если бы вы нанесли его на волосы, то к вечеру вы бы уже не встали.

Айше смотрела на неё долгим, тяжёлым взглядом, и в этом взгляде было столько всего, что Джанан не могла разобрать. Ярость, страх, подозрение и что-то ещё, похожее на отчаяние. Потом Айше медленно опустилась обратно на диван и жестом отпустила служанок. Когда они остались одни, она подняла глаза на Джанан.

— Ты понимаешь, что ты сейчас сделала? — спросила она. — Ты только что обвинила валиде в том, что она пыталась меня отравить. Ты понимаешь, что за это тебя ждёт наказание?

— Я сказала только то, что увидела, султаным, — ответи-

ла Джанан. — Если валиде не виновата, значит, виноват кто-то другой. Но яд был в масле, и я не могла позволить вам умереть.

Айше вдруг усмехнулась, и в этой усмешке была горечь, которая, казалось, въелась в неё за годы, проведённые в этом дворце.

— Ты странная, хатун, — сказала она. — В этом дворце все лгут, все плетут интриги, все хотят урвать кусок власти. А ты стоишь передо мной и говоришь правду, хотя знаешь, что за неё можно поплатиться головой. — Она помолчала. — Либо ты очень глупа, либо очень смела. Я ещё не решила, что из этого.

Она встала и подошла к Джанан вплотную. От неё пахло розами и чем-то ещё, тёплым и женским, и в её глазах теперь горел тот самый огонь, который Джанан уже видела на галерее, когда Мурад смотрел на неё.

— Я запомню то, что ты сделала сегодня, — сказала Айше тихо. — Но запомни и ты: я не люблю быть в долгу. И я не

люблю тех, кто знает мои слабости. — Она сделала паузу. — Ты знаешь, что я была первой, кого он полюбил? Первой, кому он говорил слова, которые потом говорил другим. Я была его хасеки, когда он был ещё шехзаде, и я думала, что так будет всегда. Но султаны не умеют любить вечно. Они умеют только хотеть.

Джанан молчала. Она понимала, что Айше говорит не с ней, а с собой, со своим прошлым, которое никак не отпускало.

— Иди, — сказала наконец Айше, отворачиваясь к окну. — И никому не говори о том, что здесь произошло. Если ты хоть словом обмолвишься, я найду способ сделать так, чтобы ты пожалела об этом.

Джанан поклонилась и вышла, и когда дверь за ней закрылась, она прислонилась к стене и закрыла глаза. Сердце колотилось так, словно пыталось вырваться из груди. Она только что пережила первый настоящий бой в этом дворце, и она выиграла его, но победа была горькой, потому что она знала: теперь Айше не забудет её.

Фария ждала её в коридоре. Она стояла в тени колонны, и её лицо было спокойным, почти безмятежным, но в глазах горел тот самый холодный, расчётливый огонь, который Джанан уже видела однажды. Фария была красива иной красотой, чем Айше: более сдержанной, более опасной, как клинок, спрятанный в шёлковых ножнах.

— Я слышала, что произошло, — сказала Фария, и её голос прозвучал мягко, почти участливо. — Айше была в ярости. Ты рисковала головой, хатун.

— Я всего лишь сказала правду, султаным, — ответила Джанан, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Правда в этом дворце — опасная вещь, — заметила Фария, и на её губах появилась едва заметная улыбка. — Но иногда она бывает полезной. Ты знаешь, кто мог подложить яд?

Джанан покачала головой. Она не знала, и, честно говоря, не была уверена, что хочет знать.

— Я слышала, что валиде не очень-то жалует Айше в последнее время, — продолжила Фария, словно размышляя вслух. — Говорят, Айше слишком много о себе возомнила. А валиде не любит, когда кто-то забывает своё место.

Джанан молчала. Она понимала, что Фария пытается что-то ей внушить, но не могла понять, что именно. Может быть, она хотела, чтобы Джанан поверила в вину Кёсем. А может быть, наоборот, проверяла, насколько она верна валиде.

— Я не знаю, кто это сделал, султаным, — сказала Джанан. — И я не хочу строить догадки. Моё дело — лечить, а не искать виновных.

Фария посмотрела на неё долгим, изучающим взглядом, и в этом взгляде было что-то такое, от чего у Джанан по спине снова пробежал холодок.

— Ты права, — сказала Фария наконец. — Твоё дело — лечить. Но запомни, хатун: в этом дворце никто не остаётся в стороне. Рано или поздно тебе придётся выбрать, на чьей ты стороне. И от этого выбора будет зависеть твоя жизнь.

Она ушла, и её шаги ещё долго звучали в коридоре, затихая где-то в глубине гарема. Джанан осталась одна, прислонившись к стене, и чувствовала, как внутри всё дрожит от напряжения. Она только что пережила два разговора, которые могли стоить ей жизни, и понимала, что это только начало.

Вечером, когда она вернулась в свою комнату, Лялезар-хатун ждала её у двери. Её лицо было хмурым, и в руках она держала небольшой свёрток.

— Валиде прислала, — сказала она, протягивая свёрток. — Она сказала, что ты хорошо справилась сегодня. И что она не забывает тех, кто ей верен.

Джанан развернула свёрток. Внутри был небольшой флакон с прозрачной жидкостью и записка, написанная чьей-то рукой. «Это противоядие. Носи с собой. Оно может спасти тебе жизнь». Джанан подняла глаза на Лялезар, но та только пожала плечами.

— Не спрашивай меня, — сказала она. — Я всего лишь передаю то, что мне велели. Но если валиде прислала тебе это, значит, она считает, что ты в опасности. А если валиде так считает, значит, так оно и есть.

Джанан спрятала флакон в складках платья и села на кровать, чувствуя, как усталость наваливается на неё всей тяжестью. Она спасла Айше от яда, но теперь она была в долгу перед Кёсем, а Фария ясно дала понять, что ждёт от неё выбора. И где-то во всём этом был Мурад, который смотрел на неё с галереи так, словно увидел в ней что-то, чего не видел никто другой.

Она закрыла глаза и прошептала слова, которые сама себе не могла объяснить. Слова, которые были не молитвой и не

клятвой, а чем-то большим, чем она могла выразить.

— Я не отдам тебя ни смерти, ни истории.

Глава 5. Фария

Прошло два дня после разговора с Айше, и всё это время Джанан старалась держаться в тени. Она готовила настои, растирала порошки и выходила из своей комнаты только тогда, когда её звали, потому что понимала: после истории с отравленным маслом за ней наблюдают. Лялезар-хатун, заходившая к ней по утрам за отваром для наложниц, больше не заговаривала о том, что произошло, но иногда бросала на неё быстрые, оценивающие взгляды, словно проверяла, не сломалась ли она под тяжестью того, что узнала. Джанан не сломалась, но и не чувствовала себя в безопасности, потому что в этом дворце тишина была обманчивой, как гладь Босфора перед бурей.

На третий день, ближе к вечеру, когда солнце уже клонилось к западу и тени в коридорах становились длинными и густыми, за ней пришла та же служанка, что и в прошлый раз. Она остановилась в дверях и, не поднимая глаз, переда-

ла, что Фария-султан желает видеть лекарку в своих покоях. Джанан отложила ступку и вытерла руки о передник, чувствуя, как внутри всё сжимается в знакомый уже узел. Она знала, кто такая Фария, и знала, что эта женщина не станет тратить время на пустые разговоры.

Покои Фарии находились в другой части гарема, не такой роскошной, как у Айше, но более продуманной. Здесь не было тяжёлого шёлка и обилия золота, зато стены украшали тонкие изразцы с изображением тюльпанов, а в воздухе висел лёгкий, почти неуловимый аромат сандала. Фария сидела у стола, заваленного бумагами и свитками, и когда Джанан вошла, она подняла голову и улыбнулась той самой улыбкой, которая не касалась её глаз.

— Ах, вот и наша храбрая лекарка, — произнесла Фария, откладывая перо. — Проходи, хатун, садись. Не бойся, я не собираюсь читать тебе нотации, как это делает валиде.

Джанан села на низкую скамью у стола и сложила руки на коленях, стараясь, чтобы поза была спокойной. Фария смотрела на неё долгим, изучающим взглядом, и в этом взгляде было что-то такое, от чего у Джанан по спине пробежал зна-

комый холодок.

— Ты, наверное, уже слышала обо мне всякое, — продолжила Фария, и её голос звучал мягко, почти доверительно. — Что я интриганка, что я плету заговоры, что я хочу власти. В этом дворце любят преувеличивать. Но правда в том, хатун, что я просто женщина, которая хочет выжить. Как и ты.

— Я всего лишь лекарка, султаным, — ответила Джанан, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я не вмешиваюсь в дела, которые меня не касаются.

Фария усмехнулась и откинулась на спинку кресла.

— Вот в этом ты ошибаешься, — сказала она. — Ты уже вмешалась, когда спасла Айше от яда. Ты вмешалась, когда валиде обратила на тебя внимание. И ты вмешаешься снова, потому что в этом дворце нельзя стоять в стороне. Рано или поздно тебя втянут в чужую игру, и тогда тебе придётся выбрать, на чьей ты стороне.

Джанан молчала. Она понимала, что Фария права, и это понимание было горьким, как полынь.

— Я предлагаю тебе союз, — сказала Фария, и её голос стал тише, почти шёпотом. — Не против валиде, нет, я не самоубийца. Против Айше. Она потеряла влияние, но всё ещё опасна. Она всё ещё думает, что падишах принадлежит ей, хотя он уже давно не тот мальчик, в которого она была влюблена. Если мы объединимся, мы сможем ослабить её позиции. А взамен я обещаю тебе защиту. Настоящую защиту, а не ту, которую валиде даёт до тех пор, пока ты ей полезна.

Джанан смотрела на неё и думала о том, что Фария говорила складно, слишком складно. В её словах была логика, была выгода, было даже что-то похожее на искренность, но за всем этим Джанан видела холодный расчёт. Фария не предлагала союз. Она предлагала роль пешки, которая будет двигаться по её указке, пока не станет бесполезной.

— Что вы хотите от меня, султанша? — спросила Джанан, и голос её прозвучал осторожно.

— Всего лишь маленькую услугу, — ответила Фария, и её улыбка стала шире. — Айше принимает лекарства от головной боли. Ты готовишь их для неё. Мне нужно знать, что именно ты ей даёшь. Какие травы, в каких дозах. Это всё.

Джанан почувствовала, как внутри всё похолодело. Она понимала, что Фария просит не просто информацию. Она просит средство, с помощью которого можно будет либо ослабить Айше, либо подставить её саму. И от этого понимания у неё пересохло во рту.

— Я не могу этого сделать, султаным, — сказала она тихо. — То, что я готовлю для Айше, — это лекарство, а не оружие. Если я расскажу вам о нём, я предам свою клятву.

Фария наклонилась вперёд, и её глаза сузились.

— Твоя клятва, хатун, — это всего лишь слова, — произнесла она. — А слова в этом дворце стоят не дороже пыли. Ты думаешь, валиде держит тебя при себе из-за твоих прекрасных глаз? Нет. Она держит тебя, потому что ты полезна ей. И когда ты перестанешь быть полезной, она выбросит

тебя, как выбрасывают сломанную игрушку. Я же предлагаю тебе нечто большее. Я предлагаю тебе выбор.

Джанан молчала. Она понимала, что сейчас решается не просто её судьба, а её место в этом дворце. Если она согласится, то станет частью интриги, которая может погубить Айше и, возможно, многих других. Если она откажется, то наживёт врага в лице Фарии, а враги в Топкапы были опаснее чумы.

— Я подумаю, султаным, — сказала она наконец, и это была та самая ложь, которую она поклялась себе не говорить, но которая сейчас была единственным способом выиграть время.

Фария откинулась назад, и на её губах снова появилась та самая улыбка, которая не касалась глаз.

— Думай, — согласилась она. — Но не слишком долго. В этом дворце время течёт быстрее, чем ты думаешь. И если ты не выберешь сторону, стороны выберут тебя.

Она жестом отпустила Джанан, и та вышла из покоев, чувствуя, как внутри всё дрожит от напряжения. Она шла по коридору и понимала, что только что сделала первый шаг по опасной дороге, которая могла привести её либо к власти, либо к гибели.

Вернувшись в свою комнату, Джанан села на кровать и закрыла лицо руками. Она думала о том, что сказала Фария, и понимала, что в её словах была правда, которую она не хотела признавать. В этом дворце нельзя было оставаться в стороне. Каждый выбор, каждое слово, каждый взгляд имели последствия. И теперь она стояла на распутье, и от того, куда она повернёт, зависело не только её будущее, но и будущее султана Мурада.

Она вспомнила его лицо, каким увидела его на галерее, — бледное, усталое, с тенью под глазами, которая говорила о его болезни, о страхе, о том, что он одинок в этом огромном дворце. И она поняла, что не может позволить себе роскошь быть просто лекаркой. Она должна стать кем-то большим.

Кем-то, кто сможет защитить его не только от болезни, но и от тех, кто хотел использовать его слабость.

Она поднялась с кровати и подошла к окну. За решёткой виднелся кусочек неба, и на нём уже зажглись первые звёзды. Джанан смотрела на них и думала о том, что где-то там, в покоях падишаха, Мурад тоже, возможно, смотрит на это небо. И от этой мысли ей стало немного легче.

Она вернулась к столу, взяла чистый лист бумаги и обмакнула перо в чернила. Она не собиралась писать донос. Она собиралась написать письмо, которое никогда не отправит, — письмо самой себе, к той девушке, которая когда-то смотрела сериал и мечтала оказаться в этом дворце. Она написала всего несколько строк, но в них было всё, что она чувствовала.

«Я не знаю, что будет завтра. Я не знаю, смогу ли я спасти его. Но я знаю, что не отступлю. Даже если весь дворец будет против меня. Даже если мне придётся стать той, кем я никогда не хотела быть».

Она сложила лист, спрятала его в складках платья и легла спать, чувствуя, что с этого дня её жизнь в Топкапы изменилась навсегда. Она больше не была просто лекаркой. Она стала пешкой в чужой игре. Но она решила, что будет не просто пешкой. Она будет той, кто перевернёт доску.

Глава 6. Запрет

Утром Лялезар-хатун разбудила Джанан раньше обычного и сказала, что валиде разрешила ей спуститься в город за травами, которых не хватало в дворцовых запасах. Джанан обрадовалась этой возможности выйти за стены Топкапы, потому что за последние дни она начала чувствовать себя птицей в клетке, но одновременно с радостью пришла и тревога. Она знала, что в городе сейчас неспокойно, и что падишах отдал приказ закрыть все кофейни и запретить продажу табака под страхом смерти. Лялезар-хатун, словно прочитав её мысли, покачала головой и сказала, что сопровождать её будет один из людей Хаджи-аги, и что если она хочет вернуться живой, то должна держать язык за зубами и не вмешиваться в то, что её не касается.

Джанан кивнула и надела простую накидку, которую ей дали для выхода в город. Она старалась не думать о том, что

может увидеть за стенами дворца, но когда они вышли через боковые ворота и оказались на улицах Стамбула, она поняла, что город изменился. Здесь было тихо, слишком тихо для города, который она знала по книгам и сериалам. На улицах почти не было людей, а те, кто попадался навстречу, шли быстро, опустив головы, словно боялись, что их тень может привлечь внимание стражи. Джанан видела разбитые двери кофеен и обугленные стены лавок, где ещё недавно торговали табаком, и от этого зрелища у неё сжималось сердце.

Они дошли до базара, где торговцы травами и специями всё ещё пытались продавать свой товар, но делали это тихо и осторожно, словно каждую минуту ждали, что стража ворвётся и снесёт их прилавки. Джанан выбрала несколько пучков корицы, корень валерианы и немного сушёных листьев мяты, и уже собиралась расплатиться, когда услышала за спиной громкие голоса и топот копыт. Она обернулась и увидела, как на площадь выехала группа всадников в тёмных кафтанах, и в центре этой группы был султан Мурад. Он сидел на коне прямо и неподвижно, и его лицо было мрачным, как грозовое небо. Рядом с ним ехали Кеманкеш Кара Мустафа-ага и Силахдар Мустафа-ага, а чуть позади — отряд янычар с ятаганами наголо.

Джанан замерла. Она понимала, что должна опустить глаза и уйти, как сделали все остальные, но ноги словно приросли к земле. Она смотрела, как Мурад останавливает коня и жестом подзывает к себе торговца, который стоял у прилавка с табаком. Торговец упал на колени и начал что-то говорить, но Мурад не слушал. Он что-то коротко приказал, и двое янычар схватили торговца и потащили в сторону, а прилавок с табаком был опрокинут и разбит.

— Падишахим, — произнёс Кеманкеш, склоняясь к Мураду, — может быть, стоит проявить милость? Этот человек всего лишь торговец, он не бунтовщик.

Мурад повернул голову, и его взгляд был таким холодным, что даже Джанан, стоявшая в стороне, почувствовала этот холод.

— Милость, Кеманкеш? — переспросил он, и его голос прозвучал резко. — Милость — это то, что я проявлял слишком долго. И к чему это привело? К бунтам, к неповиновению, к тому, что каждый торговец считает себя вправе нарушать мои указы. Нет. Больше не будет милости никому.

Он собирался что-то добавить, но в этот момент его взгляд упал на Джанан. Она стояла в стороне, с пучками трав в руках, и смотрела на него не с испугом, а с чем-то другим, что он не сразу смог определить. Мурад нахмурился и поднял руку, останавливая янычар.

— Ты, — произнёс он, и его голос стал тише, но не мягче. — Подойди.

Джанан почувствовала, как её сердце пропустило удар. Она сделала шаг вперёд, потом ещё один, и остановилась в нескольких шагах от коня Мурада. Она не опустила глаз, потому что понимала, что сейчас это было бы проявлением слабости, а слабости он не терпел.

— Кто ты такая? — спросил Мурад, и его взгляд скользнул по её лицу, по её простой накидке, по травам в её руках. — Ты не похожа на торговку.

— Меня зовут Джанан-хатун, падишахим, — ответила она, и голос её прозвучал ровно, хотя внутри всё дрожало.

— Я лекарка. Валиде-султан приставила меня к гарему, и я вышла в город, чтобы купить травы для настоев.

Мурад молчал. Его взгляд стал изучающим, и в нём появилось что-то такое, от чего у Джанан по спине пробежал холодок. Она уже видела этот взгляд однажды на галерее, но тогда между ними было расстояние, а теперь он смотрел на неё вблизи, и от этого взгляда у неё перехватывало дыхание.

— Лекарка, — повторил он, словно пробуя слово на вкус. — И что же ты лечишь, хатун? Головную боль? Бессонницу? Или, может быть, неповиновение?

Джанан понимала, что это проверка. Он проверял её так же, как проверял всех, кто оказывался рядом с ним, и от того, что она сейчас скажет, зависело, запомнит он её или забудет.

— Я лечу тела, падишахим, — ответила она. — А неповиновение — это не болезнь. Это симптом. И если лечить только симптом, болезнь вернётся снова.

Тишина вокруг стала такой густой, что, казалось, её можно было резать ножом. Кеманкеш напрягся, Силахдар бросил на Джанан быстрый взгляд и даже янычары, стоявшие в стороне, словно замерли. Мурад смотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом, и в этом взгляде было столько всего, что Джанан не могла разобрать.

— Симптом, — произнёс он наконец, и на его губах появилась едва заметная складка, которая у кого-то другого могла бы считаться усмешкой. — Ты говоришь так, будто понимаешь, о чём я думаю.

— Я не знаю, о чём вы думаете, падишахим, — ответила Джанан. — Но я знаю, что запрет не убирает причин для бунта. Он только загоняет их глубже. А то, что загнано глубоко, рано или поздно выходит наружу. И тогда это бывает хуже, чем в начале.

Мурад молчал. Его лицо оставалось непроницаемым, но Джанан видела, как его пальцы, державшие поводья, сжались чуть сильнее. Он смотрел на неё так, словно пытался заглянуть внутрь, словно искал что-то, чего сам не мог назвать.

— Ты странная, хатун, — сказал он наконец. — В этом городе все боятся говорить со мной. А ты говоришь так, будто не боишься.

— Я боюсь, падишахим, — ответила Джанан, и это была правда, которую она не стала скрывать. — Но страх — это не причина молчать. Если я буду молчать, я не смогу делать то, что должна.

Мурад отвёл взгляд и посмотрел на Кеманкеша. Что-то в его лице изменилось, и Джанан не могла понять, что именно.

— Кеманкеш, — произнёс он, — узнай, кто она такая. Всё. Где родилась, кто её семья, как она попала во дворец. Я хочу знать о ней всё.

Кеманкеш склонил голову.

— Будет сделано, падишахим.

Мурад снова посмотрел на Джанан, и в его взгляде было что-то такое, от чего у неё перехватило дыхание. Это был не гнев и не подозрение. Это был интерес. Тот самый интерес, который появляется у человека, который слишком долго не встречал никого, кто осмеливался бы говорить с ним как с равным.

— Иди, хатун, — сказал он. — Возвращайся во дворец. И запомни: я не люблю, когда мне перечат. Но я также не люблю, когда мне лгут. Ты пока не сделала ни того, ни другого. Посмотрим, что будет дальше.

Он развернул коня и уехал, и его свита последовала за ним, оставив Джанан стоять на площади с пучками трав в руках и с сердцем, которое колотилось так, словно пыталось вырваться из груди.

Вернувшись во дворец, Джанан не сразу смогла успокоиться. Она положила травы на стол и села на кровать, глядя в

окно, за которым уже сгущались сумерки. Она думала о том, что только что произошло, и понимала, что её жизнь изменилась навсегда. Сам султан Мурад заметил её. Он приказал узнать о ней всё. И теперь от неё зависело, сможет ли она сохранить его интерес к ней, не потеряв при этом голову.

Лялезар-хатун зашла к ней вечером и, увидев её лицо, сразу всё поняла.

— Ты видела его, — сказала она, и это был не вопрос, а утверждение. — И он говорил с тобой.

— Говорил, — ответила Джанан. — Он приказал Кеманкешу узнать обо мне всё.

Лялезар-хатун покачала головой и села рядом с ней на кровать.

— Это может быть хорошо, — сказала она тихо. — А может быть, очень плохо. Падишах не интересуется теми, кто ему безразличен. Но если он заинтересовался, он не отпу-

стит, пока не получит то, что хочет. — Она помолчала. — Будь осторожна, хатун. В этом дворце интерес падишаха — это и благословение, и проклятие. И никогда не знаешь, что перевесит.

Джанан кивнула. Она понимала, что Лялезар права, но также понимала и другое: она уже не могла отступить. Она сделала первый шаг, и теперь ей оставалось только идти вперёд, даже если этот путь вёл через тьму.

Она подошла к столу и посмотрела на травы, которые принесла из города. Среди них был корень валерианы, и она вдруг вспомнила, как султан Мурад смотрел на неё, когда она говорила о симптомах и причинах. В его глазах было что-то такое, чего она не видела ни у кого другого. Что-то похожее на одиночество, которое было таким же глубоким, как у неё самой.

— Я не отдам тебя смерти, Мурад, — прошептала она снова, и на этот раз эти слова прозвучали не как клятва, а как обещание, которое она собиралась сдержать любой ценой.

Глава 7. Испытание Кёсем

Прошло два дня после встречи на базаре, и всё это время Джанан не покидало ощущение, что за ней наблюдают. Она ловила на себе взгляды служанок, которые раньше проходили мимо, не замечая её, и слышала шёпот за спиной, который стихал, стоило ей обернуться. Лялезар-хатун, заходившая к ней по утрам, больше не заговаривала о том, что произошло, но иногда бросала на неё быстрые, оценивающие взгляды, словно проверяла, готова ли она к тому, что должно было случиться. Джанан не спрашивала, потому что понимала: в этом дворце никто не отвечает на вопросы прямо, и если она хочет что-то узнать, ей придётся выяснять это самой.

На третий день, ближе к полудню, когда солнце стояло высоко и тени в коридорах стали короткими и резкими, за ней пришёл Хаджи-ага. Он остановился в дверях, и его лицо было непроницаемым, как всегда, но в глазах было что-то такое, от чего у Джанан сжалось сердце.

— Валиде-султан желает тебя видеть, — произнёс он, и его голос прозвучал ровно, без всяких эмоций. — Немедленно.

Джанан отложила ступку и вытерла руки о передник. Она не стала спрашивать, зачем её зовут, потому что понимала: Хаджи-ага всё равно не ответит. Она просто кивнула и пошла за ним, стараясь, чтобы шаги были твёрдыми, хотя внутри всё дрожало от предчувствия чего-то важного.

Покои валиде находились в самой старой части дворца, и здесь стены были увиты плющом, а в воздухе висел густой, тяжёлый аромат ладана и роз. Кёсем сидела у окна, и рядом с ней на столике стояла шкатулка, инкрустированная перламутром. Она не обернулась, когда Джанан вошла, и несколько мгновений тишина была такой густой, что казалось, её можно было потрогать руками.

— Подойди, — сказала наконец Кёсем, и её голос прозвучал мягко, почти ласково, но в этой мягкости было что-то такое, от чего у Джанан по спине пробежал холодок.

Джанан подошла и встала рядом, опустив глаза. Кёсем повернулась к ней, и её взгляд был долгим и изучающим.

— Я слышала, что мой сын говорил с тобой на базаре, — произнесла она. — И я слышала, что ты сказала ему про симптомы и причины. Это было смело. Или глупо. Я ещё не решила, что из этого.

— Я сказала только то, что думала, валиде, — ответила Джанан, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Вот именно, — Кёсем усмехнулась, и в этой усмешке была горечь, которая, казалось, въелась в неё за годы, проведённые в этом дворце. — В этом дворце никто не говорит то, что думает. Все говорят то, что выгодно. А ты говоришь правду, и это делает тебя опасной. Но также и полезной.

Она помолчала, глядя на Джанан так, словно видела её насквозь.

— В гареме пропадают драгоценности, — сказала Кёсем наконец, и её голос стал жёстче. — У нескольких наложниц исчезли кольца, серьги, браслеты. Сначала я думала, что это простая кража, но теперь понимаю, что здесь что-то другое. Кто-то хочет посеять смуту, столкнуть женщин друг с дру-

гом, заставить их подозревать невиновных. И я хочу знать, кто это.

Джанан молчала. Она понимала, что это не просто просьба, а испытание. Кёсем проверяла её так же, как проверяла всех, кто оказывался рядом с ней, и от того, справится ли она, зависело её будущее.

— Что я должна сделать, валиде? — спросила она.

— Найди виновного, — ответила Кёсем, и её взгляд стал острым, как лезвие. — У тебя есть три дня. Если ты справишься, я буду знать, что ты достойна того места, которое занимаешь. Если нет, — она сделала паузу, — что ж, тогда я буду знать, что ты всего лишь обычная лекарка, которая слишком много о себе возомнила.

Джанан кивнула. Она понимала, что отступать поздно, и что теперь всё зависит только от неё.

— Я найду виновного, валиде, — сказала она, и голос её

прозвучал твёрдо.

Кёсем смотрела на неё ещё мгновение, а потом отвернулась к окну.

— Иди, — произнесла она. — И запомни: в этом дворце никто не тот, кем кажется. Даже те, кто кажется невиновным.

Первое, что сделала Джанан, вернувшись в свою комнату, — это составила список тех, кто мог быть причастен к кражам. Она не знала всех обитателей гарема, но Лялезар-хатун, заходившая к ней вечером, помогла ей разобраться в том, кто есть кто.

— Наложницы жалуются на пропажи уже неделю, — сказала Лялезар, сидя на скамье у стены и глядя, как Джанан раскладывает на столе листы бумаги. — Сначала это были мелочи: кольцо, серьги, браслет. Но потом пропало ожерелье Гюльбахар-султан, а это уже серьёзно. Валиде в ярости, но

она не хочет обвинять невиновных, поэтому и поручила это дело тебе.

— Кто мог войти в покои наложниц? — спросила Джанан, записывая имена.

— Служанки, евнухи, другие наложницы, — ответила Лялезар. — В гареме много людей, и у каждого есть свои дела. Но есть одна женщина, которую все подозревают, — это Хюма-хатун, служанка Фарии. Говорят, она была замечена возле покоев Гюльбахар в ту ночь, когда пропало ожерелье.

Джанан нахмурилась. Она знала, что Фария не станет рисковать без причины, и что если её служанка действительно виновна, то это может быть частью более крупной игры.

— А кто ещё? — спросила она.

— Есть Мерьем-хатун, служанка Айше, — продолжила Лялезар. — Но её все любят, и она никогда не была замечена ни в чём плохом. И есть Зейнеп-хатун, которая прислужи-

вает в покоях Атике-султан. Она тихая, но у неё есть брат в городе, который, говорят, связался с плохой компанией.

Джанан записала все имена и задумалась. Она понимала, что не может просто обвинить кого-то, основываясь на слухах. Ей нужны были доказательства, и она знала, что в этом дворце доказательства найти труднее, чем иголку в стоге сена.

На следующий день Джанан начала своё расследование. Она начала с покоев Гюльбахар-султан, где пропало ожерелье, и внимательно осмотрела комнату. Всё было на своих местах, и ничего не указывало на взлом или кражу. Джанан присела на корточки и заглянула под кровать, где заметила небольшую щель в деревянном полу. Она поддела край доски и обнаружила под ней маленький тайник, в котором лежали несколько украшений, включая ожерелье Гюльбахар.

Джанан выпрямилась, держа ожерелье в руках. Она понимала, что нашла тайник, но это ещё не доказывало вину ко-

го-то конкретного. Она огляделась и заметила на подоконнике след от глины, который мог остаться от обуви. Глина была красноватой, и такой же глиной были испачканы туфли Хюмы-хатун, которые Джанан видела утром, когда проходила мимо покоев Фарии.

Но Джанан не хотела спешить с выводами. Она решила проверить и других служанок. Она прошла в покои Атике-султан и, делая вид, что пришла за отваром для головной боли, осмотрела комнату Зейнеп-хатун. Там всё было чисто и аккуратно, и ничего не указывало на то, что девушка могла быть замешана в кражах. Джанан поговорила с Мерьем-хатун, служанкой Айше, и та показалась ей искренне удивлённой и испуганной.

— Я никогда ничего не брала, хатун, — сказала Мерьем, и в её глазах стояли слёзы. — Я служу Айше-хасеки уже пять лет, и она может подтвердить, что я всегда была честной.

Джанан кивнула и записала это в свою тетрадь. Она понимала, что нужно быть осторожной, потому что в этом дворце ложь и правда часто шли рука об руку.

Вечером второго дня Джанан снова пришла в покои Гюльбахар и спряталась за ширмой, решив проследить, кто придёт в комнату. Она просидела там несколько часов, и уже начала думать, что её план не сработает, когда услышала тихие шаги. В комнату вошла Хюма-хатун, служанка Фарии, и направилась прямо к тайнику под кроватью. Она опустилась на колени и начала поднимать доску, но Джанан вышла из-за ширмы и остановилась у неё за спиной.

— Что ты делаешь, Хюма-хатун? — спросила она, и её голос прозвучал ровно, хотя сердце колотилось где-то в горле.

Хюма вздрогнула и обернулась, и её лицо побелело от страха. Она попыталась что-то сказать, но Джанан покачала головой.

— Не лги мне, — сказала она. — Я знаю, что это ты брала украшения. Глина на твоих туфлях и тайник под кроватью — это доказательства. Но я хочу знать, зачем ты это делала.

Ты ведь не сама это придумала, верно?

Хюма опустила глаза и заплакала. Она рассказала, что Фария приказала ей брать украшения и прятать их в разных местах, чтобы посеять смуту в гареме и заставить валиде подозревать невиновных. Фария хотела ослабить позиции Айше и Гюльбахар, а потом, когда начнётся хаос, выступить в роли миротворца.

Джанан выслушала её и вздохнула. Она понимала, что нашла виновного, но также понимала, что за этим стоит Фария, а обвинить Фарию было всё равно что бросить вызов самой судьбе.

На третий день Джанан пришла к Кёсем и рассказала ей всё. Она показала тайник, назвала имя Хюмы и объяснила, что за кражами стоит Фария.

Кёсем слушала её молча, и её лицо оставалось непрони-

цаемым. Когда Джанан закончила, она откинулась в кресле и посмотрела на неё долгим, тяжёлым взглядом.

— Ты умна, — произнесла она наконец. — Это опасно. Но полезно. Я буду за тобой наблюдать.

Джанан кивнула. Она понимала, что это не просто похвала, а предупреждение, и что теперь её жизнь в этом дворце стала ещё сложнее.

— Что будет с Хюмой-хатун? — спросила она.

— Я решу это сама, — ответила Кёсем. — А что касается Фарии… — она помолчала. — Пока я не буду ничего предпринимать. Но я запомню это. И когда придёт время, я напомню ей, что в этом дворце никто не остаётся безнаказанным.

Джанан вышла из покоев валиде и прислонилась к стене, чувствуя, как усталость наваливается на неё всей тяжестью. Она справилась с испытанием, но понимала, что это только

начало. В этом дворце каждый шаг вёл к новому испытанию, и она знала, что теперь её жизнь стала ещё более опасной.

Она вернулась в свою комнату и села на кровать, глядя в окно, за которым уже сгущались сумерки. Она думала о том, что сказала Кёсем-султан, и понимала, что теперь она на крючке у валиде. Но также понимала и другое: она сделала это ради Мурада. И если для того, чтобы спасти его, ей придётся стать частью этих игр, она будет играть. Даже если ставка — её собственная жизнь.

Глава 8. Отрава

После испытания, устроенного валиде, Джанан чувствовала, будто её нервы натянуты как канат. Она знала, что Кёсем осталась довольна, но это не принесло ей облегчения, потому что теперь за ней наблюдали не только служанки, но и те, кто считал её выскочкой, осмелившейся влезть в чужие игры. Лялезар-хатун, заходившая к ней по утрам, стала ещё более молчаливой, и Джанан понимала, что женщина просто боится говорить лишнее, чтобы не навлечь беду ни на себя, ни на неё. Айше больше не вызывала её к себе, но Джанан ловила на себе её взгляд в коридорах, и в этом взгляде не было тепла. Фария же, наоборот, стала подчёркнуто любез-

на, и от этой любезности у Джанан холодело внутри, потому что она знала: когда Фария улыбается, она точит нож.

На четвёртый день после разговора с валиде в комнату Джанан пришла молодая служанка с подносом, на котором стоял серебряный кувшин и две чаши. Девушка низко поклонилась и сказала, что Айше-хасеки просит лекарку разделить с ней шербет в знак примирения, потому что между ними вышло недопонимание, и хасеки не хочет, чтобы оно превратилось во вражду. Джанан посмотрела на кувшин, и внутри у неё всё сжалось. Она слишком хорошо помнила, чем закончилась история с маслом для волос, чтобы поверить в искренность этого жеста. Но отказаться означало нанести открытое оскорбление хасеки, а в этом дворце оскорбление было опаснее яда. Джанан поблагодарила служанку и сказала, что придёт, а когда девушка ушла, она достала из складок платья флакон с противоядием, который прислала валиде, и спрятала его за поясом.

Покои Айше встретили её тем же тяжёлым ароматом амбры и роз, что и в прошлый раз, но теперь в комнате было людно. За низким столиком сидели Айше и Фария, и их лица были спокойными и приветливыми, словно они собрались на дружескую беседу, а не на встречу с соперницей. Джанан

поклонилась и села на указанное место, чувствуя, как взгляды обеих женщин скользят по ней, оценивая, проверяя, ища слабое место. Айше сама налила шербет из кувшина и протянула ей чашу, и её улыбка была такой тёплой, что Джанан почти поверила в неё.

— Выпей, хатун, — сказала Айше. — Это мой любимый шербет, с розой и мёдом. Он снимает усталость и проясняет мысли. А тебе, я слышала, в последнее время приходится много думать.

Джанан взяла чашу. Она поднесла её к губам и сделала вид, что пьёт, но на самом деле лишь коснулась жидкости языком, и в тот же миг почувствовала горьковатый привкус, спрятанный под сладостью розы. Это был не тот яд, что в масле, но тоже яд, и Джанан знала, что если выпьет хотя бы глоток, то к вечеру её не станет. Она опустила чашу и посмотрела Айше прямо в глаза.

— Султаным, — произнесла она ровно, — шербет горький. Я думаю, в него что-то попало.

Улыбка Айше застыла. Фария чуть наклонила голову, и в её глазах промелькнуло что-то острое, как лезвие. Айше потянулась к чаше, но Джанан отстранила её руку.

— Не стоит, — сказала она. — Если вы выпьете, то умрёте. А я не хочу, чтобы вы умерли, султаным. Поэтому я выпью сама.

И прежде чем кто-либо успел её остановить, она поднесла чашу к губам и сделала глоток. Горький привкус обжёг горло, и Джанан почувствовала, как внутри всё сжимается от холода, но она заставила себя проглотить и поставила чашу на стол. Айше вскрикнула, Фария поднялась с места, и в комнате началась суматоха, но Джанан уже достала флакон с противоядием и выпила его залпом, чувствуя, как горькая жидкость растекается по телу и гасит тот холод, который начал подниматься от желудка к сердцу.

— Хатун, что ты наделала? — прошептала Айше, и в её голосе был неподдельный страх. — Ты же могла умереть.

— Я знала, что делаю, султаным, — ответила Джанан, и

голос её дрожал, но не от страха, а от напряжения. — Я выпила яд, чтобы доказать вам, что в шербете отрава. Теперь вы знаете, что кто-то хочет вас убить. Или меня. Или нас обеих.

Фария смотрела на неё долгим, тяжёлым взглядом, и в этом взгляде не было ни удивления, ни восхищения, только холодный расчёт.

— Ты очень смела, хатун, — произнесла она. — Или очень глупа. В этом дворце никогда не знаешь, что из этого. Но запомни: тот, кто подложил яд, не остановится. И в следующий раз противоядия может не оказаться под рукой.

Айше опустилась на диван и закрыла лицо руками. Она была бледна, и её пальцы дрожали, и в этот момент она не казалась ни хасеки, ни первой любовью султана. Она казалась просто женщиной, которая только что поняла, что смерть стоит у её порога.

— Кто? — прошептала она. — Кто мог это сделать?

Джанан покачала головой. Она не знала, и, честно говоря, не была уверена, что хочет знать. Но она понимала, что теперь этот вопрос будет преследовать её до конца, потому что тот, кто подложил яд, не остановится, пока не добьётся своего.

Слух о том, что произошло в покоях Айше, разлетелся по дворцу быстрее, чем чума. К вечеру Джанан уже знала, что валиде в ярости, что Хаджи-ага допрашивает служанок, что Айше заперлась в своих покоях и никого не принимает. Джанан сидела в своей комнате, чувствуя слабость во всём теле, но не позволяя себе лечь, потому что знала: если она расслабится, то не сможет собраться с силами, когда придёт время действовать.

Дверь внезапно открылась без стука, и на пороге появился султан Мурад. Он был в тёмном кафтане, и его лицо было мрачным, как грозовое небо, а в глазах горел тот самый огонь, который Джанан уже видела на базаре, но теперь в нём было что-то ещё. Страх. Он боялся, и этот страх делал его одновременно более опасным и более человечным.

— Ты, — произнёс он, и его голос прозвучал резко. — Ты выпила яд, чтобы доказать, что в шербете отрава. Ты понимаешь, что могла умереть?

Джанан поднялась с кровати и поклонилась, но не опустила глаз.

— Понимаю, падишахим, — ответила она. — Но если бы я не выпила, то умерла бы Айше-хасеки. А я не могла этого допустить.

Мурад шагнул в комнату и закрыл за собой дверь. Он подошёл к ней вплотную, и Джанан почувствовала, как от него пахнет кожей, пылью и чем-то ещё, тёплым и горьким, что было его запахом.

— Ты не имеешь права решать, кто должен жить, а кто умереть, — сказал он, и его голос стал тише, но не мягче. — Это моё право. И моя обязанность. А ты… — он запнулся, словно искал слова, которые не могли его выдать. — Ты не

должна рисковать собой ради других.

— Я рискнула собой ради вас, падишахим, — ответила Джанан, и это была правда, которую она не могла скрыть. — Потому что если бы Айше умерла, вы бы никогда себе этого не простили. Я знаю, что вы её любили. И, возможно, всё ещё любите. А я не хочу, чтобы вы страдали.

Мурад молчал. Его лицо оставалось непроницаемым, но Джанан видела, как что-то дрогнуло в его взгляде, словно она коснулась того, что он прятал даже от себя. Он отступил на шаг и отвёл глаза.

— Ты слишком много понимаешь, хатун, — произнёс он. — Это опасно. Для тебя и для тех, кто рядом с тобой.

— Я знаю, мой падишах, — сказала Джанан. — Но я не могу иначе. Если я перестану понимать, я перестану быть собой. А если я перестану быть собой, то зачем мне жить?

Мурад посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом, и в

этом взгляде было что-то такое, от чего у Джанан перехватило дыхание. Это был не гнев и не подозрение. Это было узнавание. Словно он увидел в ней что-то, что искал всю жизнь и не находил ни в ком другом.

— Я прикажу, чтобы тебе дали охрану, — сказал он наконец. — И я прикажу, чтобы валиде удвоила бдительность. Тот, кто подложил яд, не остановится. И я не хочу, чтобы ты стала следующей.

Он повернулся и вышел, и дверь закрылась за ним с тяжёлым стуком. Джанан опустилась на кровать и закрыла лицо руками. Сердце колотилось так, словно пыталось вырваться из груди, и она чувствовала, как к глазам подступают слёзы, но не позволяла себе плакать, потому что знала: если начнёт, то уже не остановится.

Позже, когда она уже собиралась лечь, в дверь снова постучали. На пороге стояла Лялезар-хатун, и её лицо было хмурым, а в руках она держала небольшой свёрток.

— Валиде прислала, — сказала она, протягивая свёрток. — Она сказала, что ты хорошо справилась сегодня и что она не забывает тех, кто ей верен.

Джанан развернула свёрток. Внутри был ещё один небольшой флакон с прозрачной жидкостью и записка, написанная чьей-то рукой. «Это ещё одно противоядие. Носи с собой. Оно может спасти тебе жизнь». Джанан подняла глаза на Лялезар, но та только пожала плечами.

— Не спрашивай меня, — сказала она. — Я всего лишь передаю то, что мне велели.

Джанан спрятала флакон в складках платья и села на кровать, чувствуя, как усталость наваливается на неё всей тяжестью. Она снова спасла Айше от яда, но теперь она была в долгу перед Кёсем, а Фария ясно дала понять, что ждёт от неё выбора. И где-то во всём этом был Мурад, который смотрел на неё так, словно видел впервые.

Поздно ночью, когда дворец уже погрузился в тишину, Джанан сидела у окна и смотрела на звёзды. Она думала о том, что произошло, и понимала, что её жизнь в Топкапы изменилась навсегда. Она больше не была просто лекаркой. Она стала женщиной, которую заметил падишах. И теперь от неё зависело не только её собственное будущее, но и будущее тех, кого она любила.

Она вспомнила о своих татуировках, которые сделала ещё в университете, и поёжилась. Две небольшие, почти незаметные, они были её маленьким бунтом против серой жизни, но здесь, во дворце, они могли стать приговором. Если кто-то увидит их в хаммаме, если кто-то заметит рисунок на коже, то её обвинят в шпионаже или в том, что она беглая рабыня с клеймом. Джанан знала, что рано или поздно это случится, и готовилась к этому разговору, но пока что она просто прятала их под одеждой и молилась, чтобы этот день наступил как можно позже.

Глава 9. Откровенный разговор с Мурадом

Прошло два дня после истории с отравленным шербетом. Джанан почти не выходила из комнаты с травами, и это было не только осторожностью, но и необходимостью: тело всё ещё медленно восстанавливалось после яда, и каждый приступ слабости напоминал ей о том, как близко она подошла к краю. Лялезар-хатун приносила еду и молча уходила, и в её молчании было больше участия, чем в любых словах, которые она могла бы сказать.

На третий вечер Джанан сидела на скамье у окна, растирая в ступке высушенные листья мяты, когда дверь открылась без стука и без предупреждения. Она обернулась и увидела Мурада. Он стоял на пороге один, без свиты и охраны, и это было настолько не похоже на него, что у неё перехватило дыхание.

Он был в тёмном кафтане, и лицо его казалось осунувшимся, а в глазах застыла та тяжёлая, давящая усталость, которую она уже научилась узнавать. Он не двинулся с места, словно ждал, что она прогонит его, и от этого ожидания у Джанан сжалось сердце.

— Падишахим, — произнесла она, поднимаясь и кланя-

ясь. — Вы один.

— Я знаю, — ответил он, и голос его прозвучал глухо. — Я не должен быть здесь. Но в моих покоях слишком тихо, и я не могу остаться там. Эта тишина давит на меня, словно камень.

Он прошёл вглубь комнаты и сел на скамью у стола, и Джанан опустилась напротив, не сводя с него глаз. Несколько мгновений они молчали, и тишина между ними была другой — не давящей, а наполненной чем-то, чему она не находила названия.

— Ты знаешь, что я готовлюсь отдать приказ? — спросил он вдруг, и его взгляд стал тяжёлым. — О моём брате. О Баязиде.

Джанан почувствовала, как внутри всё сжимается. Она знала о Баязиде, слышала шёпот в коридорах, видела, как при упоминании его имени лица придворных становятся непроницаемыми. Но слышать это от Мурада было совсем другим.

— Я слышала об этом, падишахим, — ответила она тихо. — В гареме говорят разное, но я не знаю, что из этого правда.

— Правда в том, что он представляет угрозу для моего трона, — произнёс Мурад, и в его голосе не было гнева, только усталость. — Он мой брат, и он амбициозен. Он окружён людьми, которые хотят использовать его, чтобы добраться до трона. Его мать Гюльбахар тоже за этим стоит. Я не могу позволить себе ждать, пока они сделают первый шаг. Потому что если он сделает его, будет слишком поздно.

Джанан молчала. Она понимала логику его слов, но также понимала и другое: за этой логикой стоял страх. Тот самый страх, который она видела в его глазах каждый раз, когда он говорил о власти.

— Вы боитесь, — сказала она, и это был не вопрос.

Мурад резко поднял на неё глаза, и в них вспыхнул гнев.

— Я не боюсь, — отрезал он. — Я султан. Я не имею права бояться.

— Вы имеете право бояться, — ответила Джанан, и голос её прозвучал твёрдо. — Вы человек. И страх — это не слабость. Слабость — это когда страх управляет вами. А вы… — она помолчала, подбирая слова. — Вы можете управлять своим страхом. Но для этого вы должны признать его.

Мурад отвёл взгляд. Его пальцы, лежавшие на столе, медленно сжались в кулак, и Джанан видела, как напряглись мышцы на его руке. Несколько долгих мгновений он молчал, и тишина в комнате стала такой густой, что, казалось, её можно было резать ножом.

— Ты говоришь так, будто знаешь, что такое страх, — произнёс он наконец, и его голос был тихим.

— Знаю, — ответила Джанан. — Я боюсь каждый день. Боюсь, что не смогу сделать то, что должна. Боюсь, что кто-то пострадает из-за меня. Боюсь, что вы… — она запнулась,

и слова застряли в горле.

Мурад посмотрел на неё, и в его взгляде что-то изменилось. Гнев ушёл, уступив место чему-то более глубокому и более уязвимому.

— Что я? — спросил он.

— Что вы не позволите себе быть человеком, — сказала Джанан, и это была правда, которую она не могла скрыть. — Что вы будете нести всё в одиночку, пока не сломаетесь. И я боюсь, что не успею вас остановить.

Мурад молчал. Он смотрел на неё, и в этом взгляде было столько всего, что Джанан не могла разобрать. Потом он медленно протянул руку и коснулся её лица, и его пальцы были холодными, но в этом прикосновении было столько нежности, что у неё перехватило дыхание.

— Ты странная, хатун, — произнёс он тихо. — В этом дворце все хотят от меня чего-то. Власти, денег, защиты. А

ты хочешь только, чтобы я жил.

— Да, — ответила она. — Я хочу, чтобы вы жили, мой падишах. Не как султан, не как легенда, а как человек. Потому что вы нужны мне живым.

Мурад отвёл руку и посмотрел на свои ладони, словно видел на них что-то, чего не видели другие.

— Я приказал казнить стольких людей, — сказал он, и его голос дрогнул. — Я отправил на смерть визирей, янычар, бунтовщиков. И каждый раз, когда я подписываю приказ, я говорю себе, что это необходимо. Что иначе будет хаос. Но по ночам… — он замолчал, и его челюсти сжались. — По ночам я вижу их лица и я не могу уснуть. А теперь ещё и брат Баязид со своей валиде…

Джанан встала и подошла к полке с травами. Она достала мешочек с валерианой, добавила несколько капель лаванды и залила смесь горячей водой. Когда настой был готов, она протянула чашку Мураду.

— Это поможет вам уснуть, — сказала она. — И это не яд. Я проверяла.

Мурад взял чашку и посмотрел на неё долгим взглядом. Потом поднёс к губам и сделал глоток. Джанан смотрела, как он пьёт, и чувствовала, как внутри всё сжимается от надежды.

— Горько, — сказал он, но в его голосе не было недовольства.

— Зато полезно, — ответила Джанан, и на его губах появилась едва заметная улыбка, которая, возможно, была первой настоящей улыбкой, которую она видела у него.

Он допил настой и поставил чашку на стол. Потом посмотрел на неё, и в его взгляде было что-то такое, от чего у неё перехватило дыхание.

— Я приду завтра, — сказал он. — И послезавтра. И каж-

дый вечер, пока ты не скажешь, что я здоров. Ты знаешь, я запретил вино в столице. Я казню тех, кто нарушает мой приказ, однако сам пью, потому что это на время унимает боль. Я знаю, что это убивает меня, но не могу остановиться. Вокруг одни предатели. Брат покушается на мой трон, валиде не видит во мне правителя, люди в столице говорят обо мне всякое.

— Вино не остановит боль. Оно лишь усугубит ситуацию. Я вылечу вас, повелитель, — ответила Джанан. — А до тех пор я буду ждать вас каждый вечер здесь.

Мурад кивнул и поднялся. Он подошёл к двери, но на пороге обернулся.

— Хатун, — произнёс он, и его голос был тихим. — Спасибо.

И он ушёл, оставив Джанан стоять посреди комнаты с сердцем, которое колотилось так, словно пыталось вырваться из груди.

Глава 10. Тень Айше

Слух о том, что случилось в покоях Айше, не утихал, а, наоборот, обрастал новыми подробностями с каждым часом. Говорили, что хасеки была вне себя от ярости, что она требовала найти виновного и что Хаджи-ага лично допрашивал служанок, но никто не признавался. Джанан понимала, что это затишье перед бурей, и старалась держаться в тени, но тень в Топкапы была ненадёжным укрытием.

Перемены в настроении Айше она почувствовала раньше, чем услышала о них. Сначала это были мелочи: служанки, которые раньше кланялись ей при встрече, теперь отводили глаза; отвар для хасеки, который Джанан готовила каждое утро, возвращался нетронутым. Потом Лялезар-хатун, заглянувшая к ней с поручением, обронила как бы между прочим, что Айше провела весь вечер в покоях падишаха и вышла оттуда с покрасневшими глазами. Джанан ничего не ответила, но внутри у неё всё сжалось от нехорошего предчувствия. Она знала, что Айше не из тех, кто сдаётся, и что затишье в её покоях было не поражением, а подготовкой к новому удару.

Удар не заставил себя ждать на следующий день, когда Джанан вызвали в покои хасеки. Айше сидела у окна, и в её облике не было той холёной уверенности, которую Джанан видела при первой встрече. Волосы её были собраны наспех, а на щеках горели красные пятна, словно она только что плакала или кричала. При виде Джанан она поднялась так резко, что скамья под ней покачнулась.

— Ты, — произнесла Айше, и её голос сорвался на хрип. — Ты думаешь, что победила? Ты думаешь, что если падишах посмотрел на тебя один раз, то ты уже заняла моё место?

Джанан остановилась в нескольких шагах от неё и медленно склонила голову в поклоне. Она понимала, что любое слово сейчас может быть использовано против неё, но молчание было бы ещё опаснее.

— Султаным, — сказала она ровно, — я не претендую на ваше место. Я всего лишь лекарка, и моё дело — лечить, а не отнимать.

Айше усмехнулась, и в этой усмешке было столько горечи, что Джанан почти почувствовала её вкус на своих губах.

— Лечить, — повторила хасеки, и её голос дрогнул. — Ты лечишь его от вина, от бессонницы, от страха. А я… — она запнулась, и на её глазах выступили слёзы. — Я была рядом с ним, когда он был ещё шехзаде. Я знала его до того, как он стал падишахом, до того, как эта корона превратила его в чужого человека. Я родила ему двоих детей. Я отдала ему всё, что у меня было, а он…

Она отвернулась к окну и смахнула слёзы тыльной стороной ладони, словно стыдясь их.

— Он больше не смотрит на меня так, как раньше, — продолжила она, и её голос стал тише. — Он приходит ко мне, потому что так положено, потому что я хасеки, потому что у нас дети. Но его мысли не со мной. Они с тобой.

Джанан молчала. Она понимала, что Айше говорит не для того, чтобы её услышать, а для того, чтобы выплеснуть ту боль, которую носила в себе слишком долго.

— Я не могу это изменить, султаным, — сказала она наконец. — Я не могу заставить падишаха думать иначе. Я могу только быть рядом, когда он позволяет.

Айше резко обернулась, и в её глазах снова вспыхнул тот самый огонь, который Джанан видела при первой встрече.

— Быть рядом, — произнесла она с горечью. — Ты думаешь, что быть рядом — этого достаточно? Ты думаешь, что сможешь удержать его? Он не удерживается. Он уходит. Всегда уходит. И ты останешься одна, хатун, с разбитым сердцем и воспоминаниями о том, как он смотрел на тебя, пока не нашёл кого-то другого. Ты же знаешь Фарию? Эта принцесса покорила его сердце, но теперь он тоже не смотрит на неё с теплотой. То же случится и с тобой, хатун!

— Возможно, — ответила Джанан, и это было честно. — Но я не могу отступить только потому, что боюсь боли. Если я отступлю, я предам не только его, но и себя.

Айше смотрела на неё долгим, тяжёлым взглядом, и в этом взгляде было столько всего, что Джанан не могла разобрать. Ярость, отчаяние, зависть и что-то ещё, похожее на усталое понимание.

— Уходи, — сказала она наконец, и её голос был холоден, как лёд. — Уходи и не возвращайся. И если ты думаешь, что я оставлю это так, ты ошибаешься. Ты пожалеешь о том, что султан Мурад пришёл к тебе тогда!

Джанан поклонилась и вышла, и когда дверь за ней закрылась, она прислонилась к стене и закрыла глаза. Сердце колотилось так, словно пыталось вырваться из груди, и она чувствовала, что этот разговор был не концом, а началом чего-то гораздо более опасного.

Вечером того же дня Айше стояла в покоях Мурада и смотрела на него так, словно видела впервые. Он сидел за столом, заваленным картами и донесениями, и его лицо было усталым и отстранённым. Он почти не поднял глаз, когда

она вошла, и это равнодушие было хуже любого гнева.

— Ты больше не приходишь ко мне, — сказала Айше, и её голос дрожал. — Ты не смотришь на меня. Ты не говоришь со мной. Что случилось, падишах? Что я сделала не так?

Мурад отложил перо и посмотрел на неё. В его взгляде не было тепла, но не было и жестокости — только усталость человека, который слишком долго несёт на себе груз, который его раздавливает.

— Ты ничего не сделала, Айше, — ответил он, и его голос прозвучал ровно. — Просто я больше не тот, кем был. И ты это знаешь.

— Я знаю, что ты изменился, — сказала она, и слёзы снова подступили к её глазам. — Но я не знаю почему. Я не знаю, что с тобой происходит. Ты закрываешься от меня, ты пьёшь, ты…

— Довольно, — перебил он, и в его голосе впервые за весь

разговор появилась сталь. — Я не обязан отчитываться перед тобой. Ты моя хасеки, но это не даёт тебе права допрашивать меня. Помни, кто сейчас перед тобой.

Айше отшатнулась, словно он ударил её. Несколько мгновений она стояла неподвижно, глядя на него широко раскрытыми глазами, а потом медленно опустилась на колени и склонила голову.

— Прости меня, Мурад, — прошептала она. — Я не хотела тебя обидеть.

Мурад отвернулся и снова взялся за бумаги.

— Иди, — сказал он. — Мне нужно работать.

Айше поднялась и вышла, и когда дверь за ней закрылась, она прислонилась к стене и дала волю слезам, которые сдерживала всё это время. Она плакала не от обиды, а от чего-то более глубокого — от понимания, что потеряла его. Не сегодня, не вчера, а давно, может быть, ещё тогда, когда он взо-

шёл на трон и стал тем, кого она не могла узнать.

Позже, в своих покоях, Айше сидела у стола и смотрела на чистый лист бумаги. Её глаза были сухими, а лицо — спокойным, и в этом спокойствии было что-то страшнее любых слёз. Она обмакнула перо в чернила и начала писать. Слова давались ей легко, потому что она вынашивала их в себе слишком долго. Она писала не Мураду и не Кёсем. Она писала людям, которые были недовольны политикой падишаха и которые искали любого повода, чтобы ослабить его власть.

«В гареме падишаха появилась женщина, — писала она, — которая имеет на него слишком большое влияние. Она чужестранка, и её прошлое покрыто тайной. Если вы хотите ослабить падишаха, начните с неё».

Она сложила письмо и запечатала его, а потом позвала служанку и велела передать его человеку, которого знала только она. Когда служанка ушла, Айше откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Она знала, что делает, и знала,

чем это может для неё закончиться. Но она также знала, что не может просто сидеть и смотреть, как её место занимает другая.

Тем временем в другой части дворца, в покоях Гюльбахар-султан, шёл совсем другой разговор. Гюльбахар сидела напротив Синан-паши, и её лицо было спокойным, но в глазах горел тот самый холодный огонь, который Джанан уже видела у Фарии. Синан-паша был одним из немногих, кто оставался верен ей, и она знала, что может на него положиться.

— Падишах готовит указ о Баязиде, — сказала Гюльбахар, и её голос был тихим, почти шёпотом. — Я слышала, что он советовался с шейх-уль-исламом о том, можно ли казнить брата без прямых доказательств покушения на трон.

Синан-паша нахмурился.

— Это опасно, султаным. Если падишах решится, никто не сможет его остановить. Он уже запер Касыма в покоях сумасшедшего Мустафы за то, что тот опозорил гарем, и теперь…

— Касым сам виноват, — перебила его Гюльбахар, и в её голосе не было жалости. — Он не должен был связываться с девушкой из гарема падишаха. Теперь он заперт с безумным Мустафой, и это его наказание. Но Баязид… — она сделала паузу, и её голос дрогнул. — Мой сын не виноват ни в чём. Он не предавал падишаха. Он просто родился шехзаде, и это его единственный грех.

Синан-паша молчал. Он знал, что Гюльбахар права, но также знал, что в этом дворце правда не всегда имеет значение.

— Что вы хотите, чтобы я сделал, султаным? — спросил он наконец.

Гюльбахар наклонилась вперёд, и её глаза сузились.

— Я хочу, чтобы ты был готов. Если падишах отдаст приказ о казни Баязида, мы должны быть готовы действовать. У нас есть сторонники среди янычар. У нас есть люди в Диване. Мы не можем позволить, чтобы мой сын погиб от рук этого кровавого тирана.

Синан-паша кивнул, но в его взгляде была тревога.

— Это может привести к гражданской войне, султаным. Если мы выступим против падишаха, империя погрузится в хаос.

— Хаос лучше, чем смерть моего сына, — ответила Гюльбахар, и в её голосе была такая решимость, что Синан-паша понял: спорить бесполезно. — Готовься. И будь осторожен. Если валиде узнает о наших планах, она уничтожит нас всех.

Джанан узнала об этих событиях позже, когда Лялезар-ха-

тун, вернувшись с рынка, рассказала ей о том, что говорят в городе. Говорили о Касыме, запертом с безумным Мустафой, и о том, что его крики по ночам слышны даже в коридорах дворца. Говорили о Баязиде, которого падишах подозревает в измене султану, и о том, что Гюльбахар ищет союзников, чтобы защитить сына. И говорили о странной женщине в гареме, которая осмелилась перечить самому падишаху и которая, возможно, скоро поплатится за свою смелость.

Джанан слушала и понимала, что дворец превращается в пороховую бочку, и что рано или поздно искра попадёт в неё. Она не знала, кто именно подложил яд в шербет, о котором шептались служанки, но она чувствовала, что за всеми этими событиями стоит чья-то холодная, расчётливая рука.

Вечером она сидела у окна и смотрела на звёзды, и мысли её были тяжёлыми. Она думала о Мураде, о его усталости, о его страхах, о том, как он смотрел на неё, когда говорил о своих ночных кошмарах. И она думала о том, что теперь ей придётся не только лечить его тело, но и защищать его от тех, кто хочет использовать его слабость.

Она знала, что Айше не простит её. Знала, что Фария ждёт

удобного момента, чтобы нанести удар. Знала, что Гюльбахар и Синан-паша готовят что-то, что может потрясти дворец до основания. И где-то во всём этом был Баязид, молодой шехзаде, который не сделал ничего плохого, кроме того, что родился не тем, кем нужно.

Джанан закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Она не могла остановить бурю, которая надвигалась. Но она могла быть рядом с Мурадом, когда она разразится. И это было всё, что она могла сделать на данный момент.

Глава 11. Пожар

Пожар начался на рассвете, и Джанан проснулась от запаха дыма, который был таким густым, что, казалось, пропитал даже каменные стены. Она выбежала в коридор и увидела, что слуги бегут в разные стороны, а где-то в глубине дворца слышны крики и треск горящего дерева. Огонь пришёл со стороны квартала Джибали, где стояли лавки и склады, и ветер нёс его дальше, к стенам Топкапы, и никто не мог сказать, где он остановится.

Лялезар-хатун появилась рядом так внезапно, что Джанан

вздрогнула. Лицо женщины было серым от пыли, и в глазах застыл страх, который она даже не пыталась скрыть. Она схватила Джанан за руку и потащила её в сторону женской половины, говоря на ходу, что огонь уже перекинулся на хозяйственные постройки и что Хаджи-ага приказал выносить всё, что можно вынести, потому что если пламя доберётся до гарема, то спасать будет уже некого.

В коридорах царил хаос, которого Джанан не видела даже в самые тревожные дни. Служанки тащили сундуки и узлы, евнухи выводили наложниц, которые плакали и цеплялись друг за друга, а откуда-то сверху, с галереи, доносился голос Атике-султан, которая требовала, чтобы ей немедленно сказали, где Силахдар Мустафа-ага и почему его до сих пор нет. Гевхерхан-султан стояла рядом с сестрой, и её лицо было бледным, но она молчала, и в этом молчании было больше страха, чем в криках Атике.

Джанан не стала ждать, пока её куда-нибудь отправят. Она рванулась в сторону комнаты, где хранились дворцовые книги и записи, потому что понимала, что если огонь доберётся до них, то сгорят не просто бумаги, а память о людях, которые жили и умерли в этих стенах. Лялезар-хатун крикнула ей вслед, чтобы она остановилась, но Джанан уже не слы-

шала её. Она бежала по коридору, затянутому дымом, и в какой-то момент ей показалось, что она задыхается, но она заставила себя идти дальше, потому что не могла позволить себе остановиться.

В комнате с архивами уже никого не было. Огонь ещё не добрался сюда, но дым был таким густым, что Джанан почти ничего не видела. Она схватила первую попавшуюся под руки ткань, намочила её водой из кувшина, который стоял на столе, и прижала к лицу, а потом начала собирать свитки и книги, которые лежали на полках. Она складывала их в большой сундук, который стоял у стены, и когда сундук наполнился, она попыталась его поднять, но он был слишком тяжёлым. Тогда она стала выносить книги по одной, и каждый раз, когда она возвращалась, огонь был всё ближе.

На третий раз, когда она выбежала из комнаты с охапкой свитков, она услышала детский плач. Он доносился из соседней комнаты, и Джанан, не раздумывая, бросилась туда. В комнате, затянутой дымом, она увидела маленькую девочку, которая сидела на полу и плакала, прижимая к груди куклу. Джанан схватила её на руки и прижала к себе, и девочка, почувствовав тепло, обхватила её за шею и затихла. Джанан выбежала в коридор и побежала в сторону выхода, и в этот

момент потолок за её спиной с треском рухнул, и огонь вырвался наружу.

Мурад стоял во внутреннем дворе, окружённый свитой, и его лицо было чёрным от копоти и ярости. Он отдавал приказы, и его голос перекрывал шум пожара, но Джанан видела, что он едва сдерживается. Кеманкеш Кара Мустафа-ага стоял рядом с ним, и его обычно спокойное лицо было напряжённым, а Силахдар Мустафа-ага то и дело бросал взгляды в сторону гарема, словно искал кого-то в толпе. Атике-султан уже была рядом с ним и что-то говорила, но Силахдар почти не слушал её, и это не укрылось от Гевхерхан, которая стояла чуть поодаль и смотрела на них с выражением, которое Джанан не могла разобрать.

Джанан вышла из дыма, держа девочку на руках, и на мгновение во дворе стало тихо. Мурад обернулся, и его взгляд упал на неё, и в этом взгляде было столько всего, что Джанан почувствовала, как у неё подгибаются колени. Он смотрел на её обожжённые руки, на её лицо, покрытое сажей, на ребёнка, которого она прижимала к себе, и что-то в

его лице изменилось. Он шагнул к ней, и его голос, когда он заговорил, был хриплым.

— Ты, — произнёс он. — Ты вынесла ребёнка.

— Я не могла оставить её там, падишахим, — ответила Джанан, и голос её дрогнул. — Она была одна. И она плакала.

Мурад молчал. Он смотрел на неё, и в этом взгляде не было ни гнева, ни подозрения. Было что-то другое, чего Джанан не могла назвать, но от чего у неё перехватило дыхание. Потом он отвернулся и отдал приказ, чтобы ребёнка отнесли к валиде, а Джанан отвели в безопасное место, и его голос снова стал жёстким и деловым, но Джанан успела заметить, как его пальцы, сжатые в кулак, дрожат.

К вечеру огонь удалось остановить. Пожар уничтожил пятую часть города, и в Топкапы не осталось ни одной комнаты, где бы не пахло дымом. Кёсем-султан собрала у себя всех,

кто был хоть чем-то полезен, и её лицо было спокойным, но в глазах застыла та самая тяжесть, которую Джанан уже видела, когда валиде говорила о вещах, которые её пугали. Она сказала, что пожар начался не сам по себе, что кто-то поджёг склады, и что она знает, кто это сделал, но пока не может ничего доказать.

Джанан слушала и чувствовала, как внутри всё сжимается. Она вспомнила, как Гюльбахар-султан в последние дни была особенно тихой и как Синан-паша приходил к ней в покои поздними вечерами. Она вспомнила, как Айше говорила о том, что Гюльбахар плетёт интриги, чтобы защитить Баязида, и поняла, что пожар был не случайностью, а частью чьей-то игры, которая должна была отвлечь внимание от готовящегося приказа о казни шехзаде.

Мурад, стоявший у окна, слушал валиде молча, и его лицо было непроницаемым. Когда Кёсем закончила, он повернулся и посмотрел на неё, и в его глазах горел тот самый огонь, который Джанан видела, когда он говорил о своих страхах.

— Я найду виновного, — сказал он, и его голос был тихим, но в нём была такая решимость, что никто не посмел

возразить. — И я накажу его так, чтобы никто больше не посмел играть с огнём в моём городе.

Позже, когда Джанан уже собиралась уходить, её остановил Хаджи-ага. Он сказал, что падишах приказал выделить ей отдельные покои, потому что она рисковала жизнью ради ребёнка и ради архивов, и что это не награда, а признание её заслуг. Джанан растерялась, потому что не ждала ничего подобного, но Хаджи-ага смотрел на неё с таким выражением, словно ждал, что она откажется, и она поняла, что отказываться нельзя.

Когда она вернулась в гарем, чтобы собрать свои вещи, Айше уже ждала её у дверей. Её лицо было бледным, а в глазах горела та самая ярость, которую Джанан видела в день разговора о Баязиде. Она шагнула к Джанан так резко, что служанки за её спиной испуганно отшатнулись.

— Ты думаешь, что стала героиней, хатун? — произнесла Айше, и её голос дрожал. — Ты думаешь, что если вынесла

ребёнка из огня, то теперь падишах будет смотреть на тебя иначе? Он не смотрит на тебя иначе. Он никогда не смотрит иначе. Он просто использует тебя, как использовал меня и Фарию.

Джанан посмотрела на неё и почувствовала не гнев, а усталость. Она слишком устала от этого дворца, от его интриг, от людей, которые видели в ней только соперницу, а не человека.

— Я не думаю, что стала героиней, султаным, — ответила она тихо. — Я просто сделала то, что должна была сделать. И если падишах смотрит на меня иначе, то это его выбор, а не мой.

Айше открыла рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент из-за угла вышел Силахдар Мустафа-ага и, увидев их, остановился. Айше бросила на него быстрый взгляд и замолчала, а Джанан воспользовалась этой паузой, чтобы пройти мимо и скрыться в своей комнате. Она закрыла за собой дверь и прислонилась к ней спиной, чувствуя, как колотится сердце. Она понимала, что Айше не простит ей этого, и что теперь вражда между ними станет ещё более открытой. Но она

также понимала, что не может отступить, потому что отступать было некуда.

Глава 12. Награда

Утром после пожара Джанан перевели в новые покои, и это была не просто комната, а небольшая светлая горница с окном, выходящим в сад, где росли розы и жасмин. Лялезар-хатун, помогавшая ей переносить вещи, то и дело бросала на неё странные взгляды, словно пыталась понять, как эта чужестранка умудрилась за несколько недель получить то, чего другие добивались годами. Джанан не объясняла ничего, потому что и сама не до конца понимала, что происходит. Она просто складывала травы на полки и старалась не думать о том, что теперь её жизнь стала ещё более заметной.

К полудню за ней пришёл Хаджи-ага и сказал, что падишах желает её видеть. Джанан надела лучшее из своих платьев, которое было хоть и простым, но чистым и опрятным, и пошла за главным евнухом через анфиладу коридоров, где после пожара всё ещё пахло дымом и сыростью. Мурад ждал её в небольшой комнате, которая служила ему кабинетом. Он стоял у стола, заваленного картами и донесениями, и когда Джанан вошла, поднял на неё глаза, и в этом взгляде бы-

ло что-то такое, от чего у неё перехватило дыхание.

— Садись, — сказал он, указывая на скамью. — Мне нужно с тобой поговорить.

Джанан села, сложив руки на коленях, и приготовилась слушать. Мурад некоторое время молчал, словно подбирая слова, а потом заговорил, и его голос был ровным, почти сухим.

— Ты вынесла ребёнка из огня, — произнёс он. — Ты спасла архивы, которые могли сгореть. Ты рисковала жизнью, когда могла остаться в безопасности. Я не привык благодарить, но я умею ценить то, что для меня делают.

Он сделал паузу и посмотрел на неё так, словно ждал, что она скажет что-нибудь в ответ, но Джанан молчала, потому что понимала: сейчас не время для слов.

— Я приказал выделить тебе новые покои и дать всё, что ты попросишь, — продолжил Мурад. — Если тебе нужны

травы, книги, слуги — скажи, и ты получишь это. Я не хочу, чтобы ты думала, что твоя служба остаётся незамеченной.

— Я не служу за награду, падишахим, — ответила Джанан тихо. — Я служу, потому что не могу иначе.

Мурад усмехнулся, и в этой усмешке была горечь, которую она уже привыкла слышать в его голосе.

— Все так говорят, — произнёс он. — А потом просят земли, деньги, титулы. Ты первая, кто говорит это и не просит ничего.

— Я не все, падишахим, — сказала Джанан, и на его губах появилась едва заметная улыбка.

Он отошёл к окну и какое-то время смотрел на сад, а потом снова повернулся к ней, и его лицо стало серьёзным.

— Есть ещё одно дело, — сказал он, и голос его стал тя-

желее. — Ты, наверное, слышала о моём брате Баязиде.

Джанан кивнула. Она слышала об этом больше, чем хотела бы, и знала, что над дворцом нависла тень, которая с каждым днём становилась всё гуще.

— Я получил фетву, — продолжил Мурад, и его голос дрогнул. — Шейх-уль-ислам дал разрешение на его казнь. Я должен подписать приказ, но… — он замолчал и посмотрел на свои руки, словно искал в них ответ. — Я не могу.

Джанан смотрела на него и чувствовала, как внутри всё сжимается от боли. Она понимала, что он говорит ей то, чего не говорил никому, и что это признание было для него почти невозможным.

— Почему? — спросила она тихо.

— Потому что он мой брат, — ответил Мурад, и в его голосе была такая усталость, что, казалось, она раздавит его. — Потому что я помню, как мы играли в саду, когда были

детьми. Потому что он не сделал ничего, кроме того, что родился шехзаде. И потому что я знаю, что если я подпишу этот приказ, то буду видеть его лицо до конца своих дней.

Джанан молчала. Она понимала, что не может сказать ему, что делать, потому что это было не её решение. Но она также понимала, что не может просто сидеть и смотреть, как он страдает.

— Падишахим, — сказала она наконец, — вы не обязаны решать это сегодня. Вы можете подождать. Дать себе время.

Мурад покачал головой.

— Время — это роскошь, которой у меня нет, — ответил он. — Гюльбахар не остановится. Я планирую выслать её из столицы, хотя и её следует казнить. Если я не сделаю этого сейчас, она использует Баязида, чтобы свергнуть меня, и тогда погибнут все. Я не могу рисковать империей ради одного человека, даже если этот человек — мой брат.

Джанан встала и подошла к нему. Она не коснулась его, потому что понимала, что сейчас это было бы слишком, но она стояла рядом, и этого было достаточно.

— Тогда сделайте так, чтобы у вас не было выбора, — сказала она тихо. — Найдите способ сохранить ему жизнь, не подвергая опасности трон. Вы султан. Вы можете изменить закон. Вы можете отправить его в ссылку, в Египет, куда угодно, где он не будет представлять для вас угрозы.

Мурад посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом.

— Ты говоришь, как моя валиде, — произнёс он. — Она тоже всегда ищет способ обойти закон, чтобы спасти тех, кого любит.

— Возможно, — ответила Джанан. — Но я говорю не как валиде. Я говорю как человек, который видел слишком много смертей и не хочет видеть ещё одну.

Мурад отвернулся и снова посмотрел в окно.

— Я подумаю над твоими словами, — сказал он наконец. — А теперь иди. Мне нужно побыть одному.

Джанан поклонилась и вышла, и когда дверь за ней закрылась, она прислонилась к стене и закрыла глаза. Она понимала, что только что вмешалась в то, во что вмешиваться было опасно, и что теперь её слова могут либо спасти Баязида, либо погубить её саму.

Вернувшись в гарем, она столкнулась с Кёсем. Валиде стояла в коридоре с Хаджи-агой и о чём-то говорила ему вполголоса, но когда Джанан появилась, она замолчала и посмотрела на неё долгим, изучающим взглядом.

— Ты была у падишаха, — сказала Кёсем, и это был не вопрос. — О чём вы говорили?

Джанан понимала, что врать бесполезно, и что валиде всё равно узнает правду, если захочет.

— О Баязиде, валиде, — ответила она. — Падишах получил фетву, но не хочет подписывать приказ. Я сказала ему, что он может найти другой способ.

Кёсем молчала, и её лицо оставалось непроницаемым. Потом она медленно кивнула, и в её глазах появилось что-то такое, чего Джанан не ожидала увидеть, — уважение.

— Ты смела, — произнесла она. — Возможно, именно это и нужно моему сыну. — Она сделала паузу. — Я не хочу, чтобы Баязид умер. Я воспитала его. Но я также не хочу, чтобы он стал оружием в руках Гюльбахар. Если ты сможешь найти способ сохранить ему жизнь и обезопасить трон, я буду... — она запнулась, словно слово давалось ей с трудом, — признательна тебе.

Джанан кивнула и хотела уйти, но Кёсем остановила её, коснувшись её руки.

— Будь осторожна, хатун, — сказала она тихо. — Гюльбахар уже знает, что ты вмешалась. И она не из тех, кто прощает тех, кто встаёт у неё на пути.

Вечером того же дня, когда Джанан сидела в своих новых покоях и перебирала травы, дверь открылась без стука, и на пороге появилась Гюльбахар-султан. Она была бледна, и её глаза горели тем самым огнём, который Джанан уже видела у Айше, но в нём было что-то более опасное, потому что за ним стояла не обида, а решимость.

— Ты, — произнесла Гюльбахар, и её голос дрожал. — Ты говорила с падишахом о моём сыне. Ты сказала ему, чтобы он не подписывал приказ.

Джанан поднялась и поклонилась, стараясь, чтобы движения были спокойными.

— Султаным, — сказала она, — я сказала только то, что считала правильным. Я не хочу, чтобы шехзаде Баязид умер.

Гюльбахар шагнула к ней, и в её глазах была такая ярость, что Джанан невольно отступила на шаг.

— Ты не хочешь, чтобы он умер? — переспросила она. — Ты, чужестранка, которая появилась здесь несколько недель назад и уже лезет в дела, которые тебя не касаются? Ты думаешь, что можешь спасти моего сына? Ты думаешь, что падишах послушает тебя?

— Я не знаю, послушает ли он, — ответила Джанан, и голос её прозвучал твёрдо. — Но я знаю, что не могу стоять в стороне, когда кто-то должен умереть.

Гюльбахар смотрела на неё долгим, тяжёлым взглядом, и в этом взгляде было столько всего, что Джанан не могла разобрать. Ярость, страх, отчаяние и что-то ещё, похожее на усталое понимание.

— Ты думаешь, что ты лучше меня? — прошептала Гюльбахар. — Ты думаешь, что твои слова что-то изменят? Падишах уже подписал приказ. Он сделал это сегодня вечером. И мой сын умрёт, что бы ты ни говорила.

Она отвернулась и вышла, и дверь за ней закрылась с тяжёлым стуком. Джанан осталась стоять посреди комнаты, чувствуя, как внутри всё холодеет. Она опоздала. Мурад подписал приказ, и теперь неизвестно, что ждёт нас.

Позже, когда она уже собиралась лечь, в дверь постучали, и на пороге появился Хаджи-ага. Его лицо было хмурым, и в руках он держал небольшой свёрток.

— Падишах прислал, — сказал он, протягивая свёрток. — Он сказал, что ты хорошо справилась сегодня. И что он не забывает тех, кто ему верен.

Джанан развернула свёрток. Внутри была небольшая кни-

га в кожаном переплёте и записка, написанная рукой Мурада. «Это трактат по медицине, который я нашёл в библиотеке. Я подумал, что тебе будет интересно. Спасибо за то, что ты сказала мне сегодня. Даже если я не смог последовать твоему совету».

Джанан прижала книгу к груди и закрыла глаза. Она понимала, что Мурад не смог спасти брата, но также понимала и другое: он слышал её. И этого было достаточно, чтобы она продолжила бороться.

Глава 13. Клевета в письме

Утро началось с того, что Хаджи-ага явился в покои Джанан без предупреждения и, не тратя времени на объяснения, велел ей следовать за ним. Лицо главного евнуха было непроницаемым, но в глазах застыло то самое выражение, которое Джанан уже научилась узнавать: беда. Она не стала спрашивать, куда её ведут и зачем, потому что понимала, что ответов всё равно не получит. Она просто накинула платок на плечи и пошла следом, чувствуя, как внутри всё сжимается от нехорошего предчувствия.

Мурад ждал её в том же кабинете, где они говорили о Баязиде. Но теперь он не сидел за столом, а стоял у окна, и в его руке был смятый лист бумаги. Когда Джанан вошла, он обернулся, и она увидела, что его лицо искажено гневом, а глаза горят тем самым огнём, который она видела лишь однажды — в день, когда он говорил о казни брата. Он швырнул лист на стол и кивнул Хаджи-аге, чтобы тот вышел.

— Читай, — произнёс Мурад, и его голос прозвучал так резко, что Джанан вздрогнула.

Она подошла к столу и взяла письмо. Почерк был незнакомым, но слова были написаны размашисто, словно человек спешил или хотел, чтобы их прочли как можно скорее. «Я знаю, кто ты и что ты делаешь. Ты не лекарка. Ты шпионка, посланная врагами падишаха. Я видел тебя с янычарами, которые готовят бунт. Если ты не уйдёшь из дворца, я расскажу всё падишаху». Джанан подняла глаза на Мурада, и в её взгляде не было страха, только усталость.

— Это ложь, мой падишах, — сказала она ровно. — Я никогда не встречалась с янычарами и не готовила никаких

бунтов. Я могу объяснить всё.

— Тогда откуда это письмо? — спросил Мурад, и его голос дрогнул. — Кто-то видел тебя с ними. Кто-то знает о тебе то, чего не знаю я.

Джанан покачала головой и поднесла письмо ближе к свету. Она не была экспертом по почеркам, но кое-что она знала из книг и из того, чему её учили в университете. Чернила были свежими, но на бумаге уже появились небольшие пятна, которые говорили о том, что писал человек, торопившийся или нервничавший. А ещё была одна деталь: в углу листа, едва заметный, остался след от пальца, испачканного чем-то красным. Она знала этот след. Такая краска была только в покоях Айше, потому что хасеки использовала её для своих румян.

— Падишах, — сказала Джанан, поднимая глаза. — Это письмо написал не янычар. Его написала женщина. И эта женщина — Айше-хасеки.

Мурад нахмурился, и в его взгляде появилось что-то но-

вое — не гнев, а замешательство.

— Почему ты так решила? — спросил он.

Джанан протянула ему письмо и указала на след в углу.

— Вот, — сказала она. — Это румяна. Такие румяна есть только у хасеки, и она единственная, кто мог оставить этот след. Почерк тоже женский: буквы слишком округлые, а нажим слишком лёгкий для мужской руки. И ещё одно: в письме говорится, что я встречалась с янычарами. Но я не выходила из дворца уже больше недели. Если бы я действительно с кем-то встречалась, это было бы либо здесь, во дворце, либо за его стенами. Но я не покидала гарем.

Мурад молчал. Он смотрел на письмо, и его лицо медленно менялось, словно он видел в нём что-то, чего не замечал раньше. Потом он поднял глаза на Джанан, и в них больше не было гнева. Была усталость.

— Айше, — произнёс он тихо, и это был не вопрос, а

утверждение. — Она не остановится.

— Я знаю, падишахим, — ответила Джанан. — Но это не главное. Главное — то, что она написала правду о янычарах. Они действительно готовят бунт. И они хотят спасти шехзаде Баязида от вашего меча.

Мурад резко выпрямился, и его глаза сузились.

— Откуда ты знаешь о бунте? — спросил он, и в его голосе снова появилась сталь.

— Я слышала, как об этом говорили, — ответила Джанан. — Гюльбахар-султан и Синан-паша не сидят сложа руки. Наверное, вы удивитесь, но Синан-паша совсем не тот, кем кажется. Он связан с рыцарским орденом иезуитов. Это место находится там, где вы и не подозревали. Всё это время ваши враги обсуждали план, как свергнуть вас с престола. Они плетут интриги. Они ищут союзников среди янычар, и некоторые из них уже согласились помочь. Они планируют выступить, когда вы отдадите приказ о казни. Они хотят использовать момент, чтобы поднять мятеж и посадить Ба-

язида на трон. Мне известно, что Синан-паша долгие годы служит вам верой и правдой, но он предатель, который объединился с Гюльбахар-султан и иезуитскими рыцарями. Не спрашивайте меня, откуда у меня такая информация. Просто я должна показать вам одно место, где они долгое время укрывались от ваших глаз, и вы всё сразу поймёте сами. Завтра у них будет собрание. Я проведу вас туда, и вы увидите всё своими глазами.

Мурад смотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом, и в этом взгляде было столько всего, что Джанан не могла разобрать. Гнев, страх, недоверие и что-то ещё, похожее на боль.

— Ты говоришь мне это, — произнёс он медленно. — Ты, которая просила меня не казнить брата. Ты, которой его жаль. И всё равно предупреждаешь меня о бунте. А ещё и этот Синан-паша… Я совсем не подозревал его в заговоре.

— Да, падишахим, — ответила Джанан, и голос её дрогнул. — Мне жаль Баязида. Но я не могу позволить, чтобы из-за него погибла целая империя. И я не могу позволить, чтобы вы потеряли трон.

Мурад молчал. Он смотрел на неё так, словно видел впервые, и в этом взгляде было что-то такое, от чего у неё перехватило дыхание. Потом он отвернулся к окну и отдал приказ, и его голос снова стал жёстким и деловым.

Янычар, которые готовили бунт, схватили. Мурад не стал ждать и не стал вести переговоры. Он приказал казнить главарей, и когда Джанан узнала об этом от Лялезар-хатун, она почувствовала, как внутри всё холодеет. Она знала, что так будет, но всё равно не была готова к тому, что это произойдёт так быстро.

Кёсем вызвала Джанан к себе в тот же день. Валиде сидела в кресле у окна, и её лицо было спокойным, но в глазах застыла та самая тяжесть, которую Джанан уже видела, когда валиде говорила о вещах, которые её пугали.

— Я слышала, что ты сделала, — сказала Кёсем, и её голос прозвучал ровно. — Ты предупредила моего сына о бунте, хотя знала, что это может стоить жизни Баязиду. Почему?

— Потому что он мне небезразличен, валиде, — ответила Джанан.

Кёсем смотрела на неё долгим, изучающим взглядом, и в этом взгляде было что-то такое, чего Джанан не ожидала увидеть, — уважение.

— Ты выбрала его, — произнесла валиде медленно. — Несмотря на жалость. Несмотря на то, что Баязид не сделал ничего плохого. Ты выбрала моего сына. И это… — она сделала паузу, словно слово давалось ей с трудом, — это то, что я ценю больше всего.

Она поднялась и подошла к Джанан, и её пальцы, холодные и сухие, коснулись её руки.

— Ты не просто лекарка, — сказала Кёсем. — Ты та, кто может защитить его, когда меня не станет. И я не забуду этого.

Позже Мурад снова пришёл к ней. Он был бледен, и в его глазах застыла та самая усталость, которая, казалось, никогда его не покидала. Он сел на скамью и некоторое время молчал, глядя на свои руки.

— Я назначил день, — сказал он наконец, и его голос был тихим, почти шёпотом. — Через три дня Баязид и Гюльбахар будут казнены. Оба. Я не могу оставить их вживых, потому что они не остановятся.

Джанан молчала. Она понимала, что не может сказать ему, что это неправильно, потому что это было бы ложью. Она просто подошла и села рядом, и в этом молчании было больше поддержки, чем в любых словах.

— Я не хочу этого, — произнёс Мурад, и его голос дрогнул. — Но я должен. Ради нашей великой Османской империи. Ради всех, кто ещё жив.

Джанан протянула руку и коснулась его руки, и это при-

косновение было единственным, что она могла ему дать.

Глава 14. Суд

Мурад не стал ждать до утра. Едва Джанан закончила говорить, он поднялся из-за стола и отдал приказ Хаджи-аге собрать людей, и в его голосе была такая решимость, что главный евнух не посмел возразить. Джанан стояла рядом и смотрела, как султан надевает кафтан и проверяет кинжал на поясе, и понимала, что этот момент изменит всё — и для него, и для неё, и для тех, кто сейчас сидел в подвале и не подозревал, что их последний час уже близок.

— Пойдём, — сказал Мурад. — Ты знаешь дорогу, и я хочу, чтобы ты видела, что бывает с теми, кто предаёт меня.

Они вышли в коридор, где их уже ждали Хаджи-ага и десяток стражников с факелами, и двинулись в сторону старого крыла, где стены были толще, а воздух — тяжелее.

Подвал встретил их запахом сырости и горелой смолы. Джанан шла рядом с Мурадом, и её рука почти касалась его

руки, но она не позволяла себе взять его за пальцы, потому что понимала, что сейчас он не мужчина, а султан, и любое проявление слабости могло быть использовано против него. За ними следовали стражники, и их шаги гулко отдавались в тишине коридора, а факелы выхватывали из темноты сырые стены и лужи на полу.

Дверь в дальнюю комнату была приоткрыта, и оттуда выбивался свет. Мурад остановился и жестом приказал стражникам ждать. Потом он толкнул дверь и вошёл, и Джанан шагнула следом, и то, что она увидела, заставило её сердце сжаться.

За длинным столом сидели семеро мужчин. Синан-паша стоял во главе стола, склонившись над картой, и его палец скользил по линиям, которые обозначали коридоры дворца. Рядом с ним сидели двое янычарских командиров, которых Джанан видела на площади в день запрета, и ещё несколько человек в тёмных кафтанах, чьи лица были ей незнакомы. На столе лежали бумаги, печати и небольшой кинжал с инкрустированной рукоятью, и при виде этого кинжала Джанан почувствовала, как внутри всё холодеет.

Тишина, которая наступила, была такой густой, что, казалось, её можно было резать ножом. Синан-паша медленно выпрямился, и его лицо побелело, но в глазах не было страха. Только холодное, расчётливое спокойствие человека, который знал, что рано или поздно этот момент наступит.

— Падишахим, — произнёс он, и его голос прозвучал ровно. — Я могу всё объяснить.

— Ты можешь объяснить, почему ты столько лет притворялся, будто верно служишь мне и династии? — перебил Мурад, и его голос был тихим, но в нём была такая ярость, что даже стражники за его спиной напряглись. — Ты можешь объяснить, почему ты собираешься с янычарами в подвале моего дворца и обсуждаешь карты моих коридоров? Ты можешь объяснить, почему на столе лежит кинжал, который, я уверен, предназначался не для разрезания бумаг?

Синан-паша не ответил. Он бросил быстрый взгляд на одного из янычарских командиров, и это движение не укрылось от Мурада. Султан шагнул вперёд, и стражники за его спиной напряглись, готовые в любой момент броситься на заговорщиков.

— Взять их, — приказал Мурад, и его голос прозвучал так, что даже Джанан вздрогнула. — Всех. В темницу. И Синан-пашу — в одиночную камеру. Я хочу, чтобы он сидел там и думал о том, что бывает с теми, кто предаёт своего султана.

Стражники ворвались в комнату, и началась суматоха. Янычарские командиры попытались сопротивляться, но их быстро скрутили и выволокли в коридор. Синан-паша не сопротивлялся. Он стоял неподвижно, и когда стражники схватили его за руки, он посмотрел на Мурада долгим, тяжёлым взглядом, и в этом взгляде было что-то такое, от чего у Джанан по спине пробежал холодок.

— Ты можешь посадить меня в темницу, падишахим, — произнёс он тихо. — Но это не изменит того, что ты уже сделал. Ты казнил янычар, которые всего лишь хотели справедливости. Ты готовишься убить собственного брата. И однажды ты останешься один, и тогда поймёшь, что власть — это не то, что стоит твоих жертв.

Мурад не ответил. Он просто отвернулся и жестом приказал увести Синан-пашу, и когда шаги заговорщиков стихли в коридоре, он повернулся к Джанан, и в его глазах была такая усталость, что, казалось, она раздавит его.

— Ты была права, — сказал он тихо. — Они действительно готовили бунт. И если бы ты не сказала мне, я бы не узнал об этом до того, как они нанесли удар.

Джанан молчала. Она понимала, что не время для слов, и что сейчас ему нужно не утешение, а поддержка. Она просто стояла рядом, и этого было достаточно.

Баязида и Гюльбахар привели в темницу через час. Джанан стояла в стороне, когда стражники втолкнули их в коридор, и увидела, как Гюльбахар споткнулась, но не упала, а выпрямилась и посмотрела на Мурада так, словно видела его впервые. В её глазах не было слёз. Была только ярость, которая, казалось, могла испепелить всё вокруг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.